

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН .

1. (6-го февраля 1890 года). О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ учебныхъ заведеній для иностранцевъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ 3
2. (13-го февраля 1890 года). О правахъ законоучителей среднихъ учебныхъ заведеній Сѣвернаго Кавказа по воспитанію дѣтей на казенный счетъ 9
3. (13-го февраля 1890 года). О расходѣ на устройство и содержаніе кабинета по анатоміи и физиологіи растений при Императорской Академіи Наукъ —
4. (24-го февраля 1890 года). Объ учрежденіи при Тульскомъ реальномъ училищѣ трехъ стипендій 10
5. (8-го апрѣля 1890 года). О причисленіи однокласснаго начального училища министерства народнаго просвѣщенія въ фортѣ Александровскомъ, Закаспійской области, въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности, къ IV-му разряду учебныхъ заведеній 29

Высочайшій приказъ по министерству народнаго просвѣщенія.

(16-го декабря 1889 года) 11

О книгѣ: „Первая помощь до прихода лѣкара. Составилъ <i>И. П. Болословскій</i> . Изданіе „Народной библіотеки“	39
О книгѣ: „Два міра. Повѣсть. Передѣлана съ французскаго <i>Еж. Бекетовой</i> “	—
О книгѣ: „Курсъ практической педагогикѣ. Составилъ <i>С. А. Бобровскій</i> . Изданіе 4-е“	—
О книгѣ: „Основы обученія русскому языку въ народной школѣ. Изданіе 2-е. <i>Н. Гурбова</i> “	—
О книгѣ: „Учебный курсъ географіи Новгородской губерніи (родно-новѣдѣніе). Составилъ <i>Иванъ Можайскій</i> . Изданіе 2-е“	—
О составленныхъ учительницею народнаго училища <i>Е. Г.</i> : 1) „Пропись правописанія. Элементарная практическая грамматика. Тетрадь I“; 2) „Руководство къ „Прописямъ правописанія“ и диктанты. Тетрадь I“	40
О книгѣ: „Задачникъ и арифметика для начальныхъ училищъ. Изданіе 2-е. Составилъ <i>И. С. Виноградовъ</i> “	—
О книгѣ: „Исторія маленькаго лярда. Повѣсть <i>Франсиса Бермета</i> . Переводъ съ англійскаго подъ редакціей <i>Е. Омсвоевой</i> . Изданіе <i>А. Деяриана</i> “	—
О книгѣ: „Учебникъ русскаго языка. Часть I. Этимологія. Составилъ <i>Алексій Новопашенный</i> “	40
О еженедѣльномъ литературно-художественномъ журналѣ „Сѣверъ“, издаваемомъ <i>Всеволодомъ Соловьевымъ</i> “	—
Открытіе училищъ	26
Тринадцатое присужденіе премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія.	1

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

<i>И. Н. Ждановъ</i> . Пѣсни о князѣ Романѣ (<i>окончаніе</i>)	1
<i>А. Н. Веселовскій</i> . Малкія замѣтки къ былинамъ (<i>продолженіе</i>).	56
<i>М. И. Барятинскій</i> . Безконечное Анаксимандра	74 и 223
Изъ воспоминаній профессора <i>В. И. Лапшина</i>	120
<i>И. А. Шацкинъ</i> . Георгій Писидійскій и его поэма о міротвореніи въ славяно-русскомъ переводѣ 1385 года	264

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

<i>С. Ф. Платоновъ</i> . Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. <i>Н. Д. Чечулина</i> . С.-Пб. 1889	140
<i>Ф. Г. Мищенко</i> . Федерация этолянъ и ахеянъ	154
<i>С. Л. Пташицкій</i> . <i>Любовичъ, Н.</i> Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ. Варшава. 1890	164
<i>А. С. Будиховичъ</i> . Слово о полкѣ Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. <i>Е. В. Барсова</i> . Томъ III. М. 1890.	172
<i>П. А. Смирку</i> . Болгарская этнографія	188

Н. Д. Чебулинъ. Отвѣтъ рецензенту „Русскихъ Мысли“	203
М. О. Козловъ. Русская греко-униатская церковь въ царство- ваніе императора Александра I. II. О. Боброекаго. С.-Пб. 1890	295
В. Ф. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. IX. Тифлисъ. 1890.	363
Э. А. Вольтеръ. Новые матеріалы для изученія литовскаго пле- меннаго	376
Книжныя новости	219 и 384

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

А. Д. Вейсманъ. Къ вопросу о преподаваніи новѣйшихъ язы- ковъ, французскаго и нѣмецкаго, въ гимназіяхъ	1
Наша учебная литература (разборъ 18 книгъ)	8 и 87
А. Д. Вейсманъ. Отвѣтъ редактору журнала „Гимназія“	88

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Е. Ф. Шмурло. Восьмой археологическій съездъ	1 и 83
Наша учебная заведенія: I. Московскій университетъ въ 1889 году	147
II. Кавказскій учебный округъ въ 1887—1888 годахъ (продолженіе)	48 и 159
А. И. Введенскій. Научная дѣятельность М. И. Владиславленова	181
Е. В. Барсовъ. Г. Ф. Карповъ (некрологъ)	212
Л. Л.—ръ. Письмо изъ Парижа	71
Э. Т. Письма изъ Рима	216

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

И. В. Нетушилъ. Экзегетическія замѣтки къ Католлу	49
I. Mueller. De Horatii epistularum II, 1, 50—62	59
В. Э. Регель. О мѣстоположеніи древнихъ Абдеръ	75
Н. А. Александровскій. Раскопки Епидаврійскаго святи- лища Аскленія	81

РАСКОПКИ ЕПИДАВРІЙСКАГО СВАТИЛИЩА АСКЛЕПІЯ.

Инкубационные оракулы, существовавшие почти у всех народов древности, особое распространение получили в Греции, а самые гадания помощью сонивдній стали одною из обыкновенных и любимых формъ испрашиванія откровеній. Этотъ обычай, восходящій отъ самыхъ древнихъ временъ, можетъ казаться заимствованнымъ со стороны лишь на столько, на сколько заимствованы и самые божества, во имя которыхъ эти гаданія производились. Таковы извѣстные въ древности прорицалища при святилищахъ Калханта, Мопса, Гемисеи, Пана, Плутона, Амфіараа и наконецъ многочисленныя, разсыпанныя по всему материку Греціи, островамъ Архипелага и берегу М. Азии, оракулы бога-цѣлителя Асклепія.

Но изъ этого числа инкубационныхъ оракуловъ нѣкоторые имѣли особый характеръ и, будучи основаны во имя божества, обладающаго цѣлительною силою, служили для цѣлей іатромантики, которая, избравъ себѣ инкубационный способъ гаданія, какъ болѣе подходящій по своему существу ¹⁾, занимала видное мѣсто въ исторіи греческой религіи. Іатромантика, основанная сначала во имя хеоническихъ бо-

¹⁾ Земля, по понятію древнихъ заключающая въ своихъ недрахъ жизнь и смерть, начало и конецъ всего, обладала разными талисманами, травами и цѣлительными средствами и тѣмъ давала людямъ жизненную силу. Поэтому все хеоническія божества грековъ обладали цѣлительною силою, таковы Плутонъ, Деметра, Діонисъ, Панъ и пр., однимъ словомъ все божества, сошедшія въ недра земли или вышедшія оттуда и такимъ образомъ постигшія ея тайны. Кроме того, земля—мать сонивдній (Euripid. Нес. 70—71), которая живетъ въ пренеподней (Hesiod. Th. 756—759), такъ что инкубационный способъ гаданія былъ самымъ подходящимъ для испрашиванія у божества совѣта противъ болѣзни.

жествъ, а въ эпоху своего процвѣтанія сосредоточившаяся при оракулахъ особаго божества Асклепіа, сына Аполлона, верховнаго бога-цѣлителя, отца двухъ сестеръ—медицины и мантики ¹⁾, эта іатромантика успѣла такъ вкорениться въ вѣрованіе массы, что въ теченіи восьми вѣковъ питала религіозное чувство язычниковъ ²⁾, и христіанству пришлось бы долго бороться съ этимъ плодомъ суевѣрія язычества, еслибы это послѣднее не должно было пасть предъ чудесною зарей нової религіи, взошедшею на дальнемъ востокѣ и обхватившею своими лучами весь древній міръ.

Сущность какъ инкубационныхъ гаданій вообще, такъ и въ частности инкубационныхъ лѣченій, особенно при оракулахъ Асклепіа, до сихъ поръ еще не можетъ считаться разъясненною, причина чего заключается, конечно, въ ничтожности дошедшаго до насъ историческаго матеріала. Въ виду этого при такомъ интересѣ этого вопроса древней греческой религіи всякое увеличеніе матеріала должно быть особенно цѣннымъ, и малѣйшая попытка бросить лучъ свѣта въ этотъ темный уголокъ религіозной жизни грековъ, извѣстной намъ гораздо менѣ ихъ жизни государственной, не должна быть оставлена безъ вниманія и поощренія. Въ настоящее время, какъ извѣстно, самымъ могучимъ средствомъ добыть какія-либо новыя свидѣтельства о жизни древнихъ считаются археологическія раскопки, производящіяся подѣ наблюдениемъ опытныхъ лицъ. Къ такимъ предпріятіямъ послѣдняго десятилѣтія слѣдуетъ отнести полное открытіе Эпидаврійской святини Асклепіа, давшее если не обильный, то весьма интересный и важный матеріалъ. Съ результатами этихъ раскопокъ мы и намѣрены познакомить читателя.

I.

Арголида была извѣстна въ древности своими оракулами: здѣсь поселился врачный чародѣй Меламподъ, отсюда вышли многочисленныя его потомки, славные прорицатели Полифидъ, Мантий и самый извѣстный изъ Меламподидовъ, пророкъ-цѣлитель Амфіарай, печальная судьба котораго такъ тѣсно связана съ мифомъ о походѣ семи противъ Эивъ. Въ этой же области особенно успѣшно прививались

¹⁾ Hippocr. epist. ad Philop. 909.

²⁾ По словамъ св. Іеронима (Comment. in Isaiam III, 432), подобныя гаданія во всей чистотѣ существовали еще въ 420 году по Р. X.

и культы, зарожденные въ другихъ мѣстахъ: здѣсь близъ города Эпидавра было и извѣстное во всемъ древнемъ мѣрѣ святилище Асклепія, куда со всѣхъ концовъ приходили слѣпые, хромые, разслабленные; всѣ одержимые неизлѣчимыми недугами или удрученные тяжкими несчастіями спѣшили сюда, чтобы просить у бога-защитника людей исцѣленія отъ болѣзни или добраго совѣта въ несчастіи.

Это святилище находилось въ 2¹/₂ часахъ ходьбы къ юго-западу отъ Эпидавра среди живописной долины въ западномъ ея углу, удаленномъ отъ моря приблизительно на 35 стадій и закрытомъ съ сѣвера горю Титеіонъ. Дорога къ святилищу идетъ по узкой дощинѣ, окруженной рядами маслинъ, и расширяется по мѣрѣ приближенія къ той площади, гдѣ было расположено *ἱερόν ἄλοος τοῦ Ἀσκληπιοῦ*. Эта небольшая площадь (120 метровъ длины и 65 ширины), представляя совершенно отдѣльный уголокъ съ прекраснымъ морскимъ климатомъ¹⁾, защищенный горами отъ рѣзкихъ перемиѣнъ погоды, перерѣзывается холмами и постепенно понижается къ краямъ. И теперь еще памятно прежнее величіе этого мѣста: оно и теперь носитъ названіе τὸ ἱερό; преданіе о рожденіи въ этой мѣстности бога-цѣлителя до сего дня живетъ въ народѣ: одна изъ сосѣднихъ деревень, на-

¹⁾ Страбонъ говоритъ объ этомъ (VIII, 6, 15): *περικλείεται δ' ὄρεσιν ὄψηλοῖς μέγρι πρὸς τὴν θάλατταν, ὡς τ' ἱερὴν κατὰσχέασται φυσικῶς πανταχόθεν*. Асклепій—богъ здоровья, цѣлительской силы, какъ она проявляется въ природѣ среди здоровой, гористой мѣстности, удаленной отъ центровъ населенія. Культъ этого бога является именно въ такихъ здоровыхъ мѣстахъ, и это обстоятельство, безъ сомнѣнія, не было случайнымъ, а было дѣло выбора, основаннаго, конечно, не на желаніи древнихъ соединить культъ бога-цѣлителя со здоровою мѣстностью, а на чисто гигиеническихъ условіяхъ, необходимыхъ для успѣшнаго лѣченія. Для убѣжденія въ этомъ мы не будемъ описывать положеніе святилища Асклепія, что и трудно сдѣлать при настоящемъ печальномъ ихъ положеніи, а лучше подтвердимъ это словами древнихъ, которые сами подмѣтили этотъ фактъ. Такъ Плутархъ говоритъ (Qu. Rom. 94): *καὶ γὰρ Ἕλληνας ἐν τόποις καθαροῖς καὶ ὄψηλοῖς ἐκτετικῶς ἱδρυμένα τὰ Ἀσκληπεία ἔχουσι*. Затѣмъ слова Витрувія (I, 2): *naturalis autem decor sic erit, si primum omnibus templis saluberrimae regiones aquarumque fontes in his locis idonei eligantur, in quibus fana constituentur; deinde maxime Aesculapio, Saluti et eorum deorum, quorum plurimi medicinis aegri iurari videntur*. Наконецъ Эліѣ Аристидъ замѣчаетъ о Пергамскомъ оракулѣ Асклепія (I, 409 Dind.): *ὁ γὰρ ἐξ ἀπάντων χωρίων εἶλετο ὁ θεὸς ὡς ὑγιεινότεον καὶ καθαρώτατον, καὶ ὁ ταῖς εὐεργεσίαις ταῖς παρ' αὐτοῦ πεποιήκεν ἀπάντων ἐμφανεστάτον, ἢ που σφόδρα τοῦτο κάλλιστόν ἐστι τῶν ἐν γῆ πάντων*. Такихъ свидѣтельствъ достаточно, чтобы убѣдиться въ значеніи здоровой мѣстности для оракуловъ Асклепія.

ываемая Корѣи, очевидно, носитъ это имя отъ матери Асклепія Корониды.

Съ весны 1881 года аѣнское археологическое общество приступило къ раскопкамъ этой мѣстности съ полною увѣренностью, что труды не будутъ безуспѣшны. И дѣйствительно, это предпріятіе прибавило не малую заслугу означенному Обществу, уже стяжавшему себѣ едва ли не первое мѣсто между подобными учрежденіями, и сдѣлало извѣстнымъ имя руководителя раскопокъ генеральнаго ефора П. Каввадія (Π. Καββαδίης). Хотя раскопки не открыли много, чего можно было бы ожидать, но за то относительно найденныхъ эпиграфическихъ документовъ, многихъ скульптурныхъ и архитектурныхъ произведеній и точнаго опредѣленія мѣста и зданій, входившихъ въ предѣлы священнаго округа, раскопки превзошли наши надежды. Найдены двѣ надписи и обломокъ третьей изъ числа упоминаемыхъ Павсаніемъ шести надписей исцѣленій Асклепія, найдены и другіе документы подобнаго рода, довольно подробно рисующіе намъ картину инкубаціонныхъ лѣченій; положеніе зданій святилища опредѣлено на столько точно, что топографія священнаго округа является прямо передъ глазами, а найденныя архитектурныя части зданій до подробностей передаютъ ихъ роскошь и изящество ¹⁾.

Мѣсто Эпидаврійскаго священнаго округа было извѣстно уже давно; тамъ побывалъ не одинъ десятокъ путешественниковъ, и нѣкоторые изъ нихъ дали довольно подробное описаніе, напримѣръ, Курціусъ ²⁾ и Блау ³⁾, такъ что произведенныя раскопки только подтвердили какъ описаніе этихъ ученыхъ, такъ и картину Павсанія ⁴⁾. На мѣстѣ святилища открыто всего восемь зданій, изъ коихъ четыре и теперь остались для насъ не извѣстны. Первымъ былъ отрытъ Θόλος τοῦ Πολοκλαίτου, остатки котораго, выходящіе изъ откоса насыпи, были видны еще упомянутымъ путешественникамъ; затѣмъ, когда къ востоку отъ него стали все чаще попадаться надписи и статуи, то изъ этого легко можно было заклю-

¹⁾ Нѣжеслѣдующее описаніе раскопокъ составлено по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ Аѣнскимъ археологическимъ обществомъ въ его період. изданіяхъ: *Πρακτικὰ τῆς ἐν Ἀθῆναις ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρίας* за 1881 — 85 г.г. и *Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική* за 1883 — 86 г.г.

²⁾ *Curtius*, *Pelopon.* II, стр. 422 сл.

³⁾ *Blouet*, *Expédition scientifique de la Morée.*

⁴⁾ *Paus.* II, 27.

чить, что по этому направленію должно находиться еще одно зданіе, и даже болѣе важное, то-есть, самый храмъ Асклепія. И дѣйствительно, на небольшомъ разстояніи къ сѣверу-востоку (прибл. на 21 метр.) былъ открытъ фундаментъ храма, безъ сомнѣнія, самого Асклепія, такъ какъ положеніе остальныхъ зданій относительно этого храма вполне соответствуетъ описанію Павсанія. Послѣ обнаруженія храма Асклепія, раскопки были направлены къ сѣверу отъ него и въ разстояніи 4,30 метр. остановились на длинномъ зданіи, состоящемъ изъ двухъ частей: ближняя къ храму, открытая спереди и обставленная съ этой стороны (южной) колоннадой; другая, отдѣленная отъ первой сплошною стѣной, закрыта со всѣхъ сторонъ; около этого строенія съ праваго его конца найдено нѣсколько небольшихъ пристроекъ, частью сильно разрушенныхъ. Это длинное зданіе представляетъ портикъ, о которомъ Павсаній говоритъ: *τοῦ γὰρ θεοῦ ἔστι πύραυ, ἔνθα οἱ ἰκέται τοῦ θεοῦ καθ΄ ἑαυτοῦσιν*. Къ юго-востоку отъ храма (прибл. на 29 метр.) отрыты фундаментъ другой храмовой постройки, принадлежащей храму Артемиды, потому что около него найдено нѣсколько вотивныхъ посвященій этой богинѣ и небольшая ея статуя. Вотъ всѣ зданія, названія которыхъ намъ извѣстны. Четыре неизвѣстныя постройки расположены такъ: одна находится прямо къ югу отъ храма Асклепія (на 20 метр.) и представляетъ небольшое четырехугольное зданіе, отъ котораго остались только части стѣнъ ¹⁾; другая, отрытая лишь на половину, находится на юго-востокъ отъ храма Асклепія, немного не доходя до храма Артемиды (на 2,60 метр. къ сѣверу); это большое четырехугольное зданіе, размѣрами больше храма Асклепія (длин. 25,60, шир. 22,50 метр.) ²⁾. Остальные два строенія находятся далеко къ югу отъ храма Асклепія, наравнѣ со стадіемъ; одно изъ нихъ почти еще не открыто и представляетъ по размѣру самое большое изъ открытыхъ зданій (длин. 34,50, шир. 30 метр.); отъ него обнаружены только лицевыя стѣны, середина же покрыта землей ³⁾; другое, открытое вполне, напоминаетъ немного храмовую постройку: на сколько можно судить по фундаменту, оно окружено колоннадой, и только странная, какъ бы крестообразная, форма (вмѣстѣ съ боковыми пристройками) удаляетъ его отъ извѣстныхъ намъ типовъ грече-

¹⁾ См. на планѣ Е.

²⁾ См. на планѣ А.

³⁾ См. на планѣ Г.

скихъ храмовъ ¹⁾). Это зданіе можно считать за храмъ Афродиты или Фемиды, намъ кажется, лишь тогда, если Павсаній, помѣщая эти храмы въ предѣлахъ священнаго округа, такъ же ошибается, какъ и относительно извѣстнаго Эпидаврійскаго театра. Дѣйствительно, объ этомъ послѣднемъ Павсаній говоритъ: 'Ἐπιδαορίῳ δὲ ἔστι θέατρον ἐν τῷ ἱερῷ; здѣсь у Павсанія очевидная неточность: онъ слишкомъ увлекся красами и достопримѣчательностями Эпидаврійскаго святилища и вставилъ въ священный округъ огромный театръ. Мы знаемъ теперь съ достовѣрностью, что театръ былъ за оградой святины, такъ какъ периволъ вполнѣ обнаруженъ въ этой части ²⁾).

Такимъ образомъ главныя зданія святилища вполнѣ опредѣлены; остались не разрытыми лишь восточная часть перивола, двѣ большія неизвѣстныя намъ постройки и небольшой клочекъ земли между стадіемъ и зданіемъ Δ.

Переходимъ теперь къ описанію извѣстныхъ намъ зданій священнаго округа, то-есть, храма Асклепіа, Портика, Ротонды Поликлита и храма Артемиды.

Храмъ Асклепіа.

Какъ извѣстно, храмъ древнихъ грековъ не есть простой продуктъ фантазіи художника, а представляетъ вполнѣ осмысленное зданіе, въ постройкѣ котораго видна связь идеи съ формою, вслѣдствіе чего въ исторіи древне-греческаго храма и въ теоріи его построенія выработались особые художественныя типы, допускающіе нѣкоторую фантазію художника только въ детальной отдѣлкѣ зданія, но при этомъ извѣстный стиль всегда остается неприкосновеннымъ. Это обстоятельство имѣетъ существенное значеніе въ томъ случаѣ, когда приходится возстановлять архитектуру храма по его неполнымъ частямъ.

Г. Каввадіи представилъ возможно полное возстановленіе Эпидаврійскаго храма Асклепіа въ *Πρακτικά* за 1884 г., но со времени этого описанія наши свѣдѣнія объ этомъ храмѣ обогатились одною надписью, найденною здѣсь и передающею расходы на постройку этого храма ³⁾. Этотъ документъ, по содержанію совершенно сход-

¹⁾ См. на планѣ Δ.

²⁾ *Πρακτικά* 1881 г., стр. 12, Каввадіи говоритъ: τὸ θέατρον τῆς 'Ἐπιδαορείου κεῖται ἐκτὸς τοῦ περιβόλου

³⁾ См. 'Εφημ. 'Αρχ. 1886 г., стр. 145, № 103.

ный съ известною надписью о постройкѣ Эрехоэона (С. I. Att. II, № 324), найденъ въ 16-ти кускахъ и состоитъ изъ пяти рядовъ, изъ коихъ два большіе содержатъ расходы на постройку болѣе крупныхъ частей храма и сохранились довольно хорошо, хотя въ первомъ ряду совершенно пропали двѣ начальныя строки, такъ что не известно, составляетъ ли этотъ рядъ продолженіе другаго, или нѣтъ; на нашъ взглядъ, скорѣе можно думать, что этотъ рядъ не есть начало документа, потому что въ дошедшихъ кускахъ перечислены расходы далеко не на всѣ части храма ¹⁾. Другіе ряды, передающіе болѣе мелкіе расходы, сохранились значительно хуже, а возстановленіе по числу недостающихъ буквъ весьма затруднительно. Можетъ еще явиться сомнѣніе, почему мы относимъ эту надпись именно къ храму Асклепія, а не къ храму Артемиды или къ какому-либо другому. Объ этомъ нѣтъ ни слова въ самомъ документѣ, и мы убѣждаемся въ вѣрности нашего предположенія единственно путемъ сравненія примѣтъ храма по этой надписи съ его архитектурой, какъ она обнаружена раскопками.

Весьма важно, хотя приблизительно, опредѣлить время этого документа, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ опредѣляется и время постройки храма. Прямыхъ указаній на это въ надписи нѣтъ, поэтому, какъ обыкновенно поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на правописаніе документа и на начертаніе буквъ. По этимъ признакамъ мы должны заключить, что надпись о постройкѣ храма относится къ концу V или началу IV вѣка до Р. Х., такъ какъ, съ одной стороны, правописаніе род. пад. ед. ч. на О вмѣсто ОΥ и особенно колебаніе въ этихъ формахъ, а съ другой—начертаніе Α, Δ, Δ безъ продолженія вверхъ правой ножки свидѣтельствуютъ о близости этого документа ко времени архонтства Евелада (403—2 до Р. Х.).

Достаточно сказать, что храмъ Асклепія былъ периптеръ дорическаго стиля, и образъ его въ главныхъ чертахъ тотчасъ же воскресаетъ предъ нами, потому что этотъ стиль греческой храмовой постройки послѣ окончательныхъ изслѣдованій Bötticher'a известенъ до мельчайшихъ подробностей. Греческіе храмы вообще не отличались своею колоссальностью сравнительно съ храмами востока, и

¹⁾ Хотя г. Каваддїй остановился на противоположномъ взглядѣ и основалъ это на томъ, что съ первыхъ же строкъ надписи говорится о расходахъ на фундаментъ, то-есть, начало постройки; но это, намъ кажется, не можетъ служить основаніемъ въ виду того, что перечисленіе расходовъ совсѣмъ не придерживается постепенной постройки зданія.

храмъ Асклепія не былъ изъ числа большихъ: его длина равнялась 24,70 метр., а ширина 13,20 метр. Такая непропорціональность въ размѣрахъ произошла отъ того, что этотъ храмъ не имѣлъ такъ называемаго *επισθόδομος*, отсутствіе котораго отразилось и на числѣ колоннъ, окружавшихъ храмъ: по длинѣ ихъ было 11, а по ширинѣ 6, и такимъ образомъ этотъ храмъ представлялъ нарушеніе общаго закона греческой храмовой постройки, по которому на длинной сторонѣ число колоннъ должно быть всегда одною колонною больше удвоеннаго числа колоннъ на короткой сторонѣ. Весь храмъ вмѣстѣ съ фундаментомъ былъ сложенъ изъ туфа и оштукатуренъ известью (надпись ст. 81) ¹⁾. Лѣстница изъ трехъ ступеней вела въ *πρόναος* (5,1 и 2,2 метр.), съ открытой стороны огороженный рѣшеткою, часть которой между двумя стоящими у входа колоннами была сдѣлана въ видѣ отпирающейся наружу рѣшетчатой двери, названной въ надписи *τὰ διὰ στόλων θύρατα* (ст. 63). Изъ предхрамія вели двери въ самый храмъ; эти большія двери, называемыя въ надписи *θύρα* или въ отличіе отъ первыхъ *μέγα θύρα* ²⁾, были выцѣваны, какъ видно изъ надписи, съ особою тщательностью, какъ двери жилища божества, и матеріаломъ для нихъ служили кипарисовое дерево, слоновая кость, золото и бронза. Отворяясь, какъ и всегда, наружу, онѣ на лицевой сторонѣ имѣли особыя символическія изображенія (*φουακτήρια, ἀποτρόχαια*); объ этомъ можно догадаться изъ 65-го ст. надписи, гдѣ сказано, что для этихъ дверей употреблялась и слоновая кость, а далѣе въ ст. 69 приводятся расходы на прикрѣпленіе этой кости къ дверямъ, именно 2600 дрх. (если не болѣе, потому что на камнѣ не ясно). Если это прикрѣпленіе стоило такой громадной суммы, то мы можемъ сказать, что изъ этой кости были сдѣланы массивныя изображенія, припайка которыхъ стояла большихъ трудовъ. Ниже изъ ст. 279 надписи (*ὄφιόν εὐχάσιος ἐπὶ τὸ γογγύμιον κτλ.*) можно предположить, что эти изображенія представляли голову Медузы, обвитую змѣями.

Полъ храма былъ выложенъ четырехугольными плитами чернаго и бѣлаго цвѣтовъ, при чемъ, по предположенію г. Каввадія, черныя приходились, вѣроятно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла хризелефантин-

¹⁾ Мы не приводимъ длиннаго текста надписи, а только будемъ указывать на отдѣльные стихи ея.

²⁾ Въ надписи упоминаются не разъ еще просто *θύρα* (ст. 45, 50 и др.); это двери мастерской, построенной на время работъ.

ная статуя бога; это можно предположить изъ подобнаго устройства пола въ храмѣ Зевса въ Олимпіи, открытомъ въ 1875 г.: по описанію Павсанія, около статуи Зевса полъ былъ вымощенъ черными камнями ¹⁾. Хризелефантинная статуя бога-цѣлителя, главный идолъ святилища, при раскопкахъ не найдена. Но близъ храма открыта другая статуя Асклепія, сидящаго на тронѣ ²⁾; по примѣтамъ эта находка довольно близко подходитъ къ статуѣ, описанной Павсаніемъ, и потому можно думать, что она представляетъ копию этой послѣдней, такъ что по ней мы можемъ судить и о хризелефантинной статуѣ Асклепія, работы Фразимеда ³⁾. Намъ не извѣстно, что еще находилось въ святилѣ, и догадываться объ этомъ мы можемъ только по обстановкѣ святилища Аѳинскаго храма Асклепія, откуда мы имѣемъ нѣсколько документовъ съ указаніями. Здѣсь передъ статуей бога стоялъ столъ (τράπεζα) съ особыми яствами ⁴⁾, тутъ же находилось и ложе (κλίνη), на которомъ носили изображеніе бога во время торжественныхъ процессій ⁵⁾, внутри же святилища находились, вѣроятно, и болѣе цѣнныя приношенія.

Вокругъ храма была колоннада въ одинъ рядъ колоннъ дорическаго стили. Остатки этихъ колоннъ найдены, и мы знаемъ, что онѣ были изъ туфа и имѣли 20 каннелюръ (ραβδωσες). Хотя назначеніе колоннады при древне-греческихъ храмахъ не вполне выяснено, но отдавая преимущество объясненію, дающему колоннадѣ чисто практическое назначеніе, мы думаемъ, что подъ колоннадою храма Асклепія находились разнообразныя приношенія, не помѣщавшіяся по своей величинѣ внутри храма и могущія испортиться подъ открытымъ небомъ ⁶⁾.

Свидѣтельства надписи о наружной отдѣлкѣ и въ частности окраскѣ храма вполне подтверждаются найденными архитектурными

¹⁾ Paus. V, 11, 10.

²⁾ 'Εφμ. 'Αρχ. 1885 г., стр. 48 сл., табл. II № 6.

³⁾ По словамъ Павсанія (II, 27), Фразимедъ съ остр. Пароса изобразилъ бога сидящимъ на высокомъ тронѣ съ посохомъ въ рукѣ, у ногъ Асклепія вазивалась змѣя, которую богъ держалъ за голову; здѣсь же помѣщалась собака. Тронъ былъ украшенъ изображеніемъ героевъ: Беллерофонта, убивающаго чудища Химеру, и Персея, держащаго въ рукѣ отрубленную голову Медузы.

⁴⁾ C. I. Ат. II, 1 Add. et corr. № 373.

⁵⁾ Ibid. № 453 b. Ср. P. Girard, L'Ascélépiasion d'Athènes d'après de récentes découvertes (Paris, 1882 г.), стр. 17.

⁶⁾ Ср. по этому поводу замѣчаніе г. Келера объ Аѳинскомъ храмѣ Асклепія въ Mittheil. d. deutsch. Arch. Institut. in Athen. II, стр. 253.

частями и слѣдами красокъ на вѣхъ. Снаружи храмъ былъ выкрашенъ по способу обжиганія; въ отдѣлкѣ преобладающимъ цвѣтомъ былъ темно-синій, въ который были выкрашены точенные листья на гейсонѣ (надпись, ст. 83, 86 и 92), такъ называемыя *viae* и украшенія въ видѣ листьевъ изящной, продолговатой формы, расположенныя на киматіи. Скульптурныя украшенія, не покрытыя краской, были изъ бѣлаго мрамора и представляли львиныя головы на гейсонѣ между упомянутыми точеными листьями; метопы, отдѣленные закругленными сверху триглифами, не имѣли барельефныхъ изображеній и потому, не нуждаясь въ особой отдѣлкѣ, не были покрыты краской. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ мѣстахъ была позолота, какъ это видно изъ 82—83 ст. надписи ¹⁾. Фронтонъ былъ украшенъ мраморными барельефными группами: на западномъ—сраженіе съ Амазонками, на восточномъ битва Кентавровъ. О композиціи этихъ группъ трудно сказать что-либо опредѣленное вслѣдствіе ничтожности сохранившихся частей: отъ перваго въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ найдены три женскія фигуры, сидяція на лошадяхъ; двѣ изъ нихъ, какъ видно изъ ихъ положенія, помѣщались въ углахъ фронтона и, по мнѣнію г. Каввадіа, представляли конныхъ Перевдъ, вышедшихъ изъ моря смотрѣть на битву, такъ какъ нижняя часть лошадей погружена въ воду. Затѣмъ найдено нѣсколько женскихъ головъ, лошадей и пр. Другой фронтонъ сохранился еще хуже: отъ него найдены торсъ, по видимому, женской фигуры и голова кентавра, которую держитъ за волосы чья-то рука. 'Αρχαίρις храма представляли четыре крылатыхъ богинь побѣды (Νίκαί), найденныя въ весьма жалкомъ видѣ ²⁾.

Изъ надписи мы узнаемъ еще, что при храмѣ была построена сокровищница, занимавшая, вѣроятно, особое зданіе, такъ какъ матеріалъ для ея постройки доставлялся отдѣльно (надпись стихи 231, 236, 246 и 300). Эта же надпись даетъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о самой постройкѣ и о ея продолжительности. Постройка производилась по подряду, при чемъ взявшій подрядъ представлялъ одного или нѣсколькихъ поручителей, смотря по цѣнности подряда, и эти поручители были изъ мѣстныхъ гражданъ, людей болѣе или менѣе извѣстныхъ и потому называемыхъ въ надписи только по имени. Подрядчики

¹⁾ Κλεινίας εἴλετο κοράτια καὶ ἀστραγάλους καὶ κάλυας καὶ ἀστέρας χρυσοῦσσι.

²⁾ Въ эти находки изданы и описаны г. Каввадіемъ въ 'Εφημ. 'Αρχ. 1884 г., стр. 49 сл., табл. III и IV, и 1885 г., табл. I, №№ 1—4.

были изъ разныхъ мѣстъ и производили работу подѣ наблюдениемъ одного архитектора Эеодота, который получалъ въ годъ 353 драхмы, то-есть, приблизительно по одной драхмѣ въ день, какъ это и была въ то время обыкновенная плата потому, что и въ надписи о постройкѣ Ерехеона, сооруженнаго почти одновременно съ этимъ храмомъ Асклепія, архитектору полагается такая же плата (36 дрх. въ одну пританію). Архитекторъ, какъ видно изъ документа, получилъ всего за 3¹/₂ года и еще 70 дней (ст. 9, 31, 54, 111, 112), слѣдовательно, столько времени и продолжалась постройка храма ¹⁾.

Намъ кажется, что мы должны допустить, что до этого храма въ святилищѣ былъ другой храмъ, описанный же нами сооруженъ въ то время, когда Эпидаврійскій оракулъ достигъ всеобщей извѣстности и накопилъ уже такіа средства, что могъ предпринять столь дорого стоящую постройку. Основаніе Эпидаврійскаго святилища относится, безъ сомнѣнія, къ значительно болѣе древнему времени, чѣмъ постройка этого храма, потому что въ концѣ V-го вѣка извѣстность его была уже на столько велика, что отсюда культъ Асклепія переходитъ въ Аены ²⁾; слѣдовательно, до этого времени существовалъ другой храмъ, вѣроятно, меньшихъ размѣровъ и не такой роскошный, и слѣдовъ его не видно, потому что новое зданіе было воздвигнуто на его мѣстѣ.

Портикъ.

Портикъ (стоа́) встрѣчается почти во всѣхъ святилищахъ грековъ и, если обыкновенно онъ, можетъ быть, и не имѣлъ необходимаго практическаго значенія, то этого нельзя сказать относительно портиковъ при храмахъ Асклепія; здѣсь они были важны не менѣе самаго храма, потому что въ нихъ засыпали болыне въ ожиданіи божескаго совѣта противъ болѣзни.

Портикъ Эпидаврійскаго святилища (длина 75 мтр., шир. 9,75), какъ мы уже сказали, дѣлился на двѣ части, отличающіяся по наружному виду. Такъ какъ почва священнаго округа къ сѣверо-западу

¹⁾ Намъ не касаются богатя свѣдѣнія, почерпаемыя изъ этого документа для исторіи греческой архитектуры, для ознакомленія со стоимостью матеріала и работы, для изученія мѣстнаго наречія и под.

²⁾ Этотъ переходъ, какъ доказалъ г. Зибель (*Mithl. d. D. A. I. X*, стр. 97 сл.), совершился въ последнее десятилѣтіе V вѣка до Р. X., при участіи трагика Софокла.

отъ храма постѣпенно понижается, то только ближняя (восточная) къ храму часть портика находится на одномъ уровнѣ съ храмомъ, западная же стоитъ ниже храма, поэтому она, подведенная подъ общую крышу съ восточною частью, была выстроена въ два этажа, и въ верхній вела лѣстница въ 19 ступеней.

Павсаній говоритъ, что больные спали въ зданіи, находящемся за храмомъ Аскленія (τοῦ κατὰ δὲ ἑστὶ κέραν, ἔνθα οἱ ἰκῆται τοῦ θεοῦ χαλεπόουσιν); эти слова Павсанія могутъ относиться только къ портику, такъ какъ другаго зданія за храмомъ не было, и это, какъ увидимъ ниже, подтверждается и документами ¹⁾. Изъ устройства этого портика мы поймемъ, въ которой его части, восточной или западной, спящіе больные ожидали появленія бога.

Одноэтажный портикъ, длиною въ 35 мтр., былъ построенъ въ іоническомъ стилѣ; передняя сторона его была открыта и подпиралась 16-ю колоннами, которыя, кромѣ двухъ среднихъ колоннъ при входѣ, соединялись рѣзною туфвою рѣшеткой; по срединѣ портика шелъ второй рядъ колоннъ, числомъ семь, дѣлящихъ его на двѣ продольныя части. Мы не будемъ останавливаться на описаніи отдѣлки этого зданія, которое, не имѣя никакихъ особыхъ украшеній, представляетъ строгій типъ портика, существовавшаго при греческихъ храмахъ. Для чего же былъ назначенъ одноэтажный портикъ? Очевидно, самое устройство его не допускало, чтобы въ немъ ночевали больные: въ гигиеническомъ отношеніи было бы слишкомъ большимъ упущеніемъ, еслибы жрецы и вообще священныя лица святилища, на которомъ лежала обязанность наблюдать за больными, дозволяли имъ спать въ мѣстѣ открытомъ, не защищенномъ во время непогоды. По всему вѣроятію, этотъ портикъ былъ назначенъ для пребыванія больныхъ днемъ, былъ, такъ сказать, ихъ общимъ заломъ; потому-то въ немъ и стояли упоминаемыя Павсаніемъ и дѣйствительно найденныя на своемъ мѣстѣ надписи, передающія исцѣленія, или лучше сказать—чудеса, совершенныя богомъ надъ больными; онѣ стояли на самомъ видномъ мѣстѣ, на особыхъ подстанкахъ вдоль восточной стѣны, чтобы всегда находившіеся здѣсь больные, читая ихъ, могли убѣждаться въ цѣлительной силѣ бога и этимъ готовить себя къ болѣе или менѣе успѣшной инкубаціи.

Двухъ-этажный портикъ былъ болѣе сложной архитектуры, и въ постройкѣ его мы видимъ сѣшеніе двухъ стилей, дорическаго и

¹⁾ Ср. замѣчаніе Кёлера—*Mittheil. d. D. Arch. Inst.* II, стр. 253 слѣд.

ионическаго. Нижний этажъ представлялъ глухое со всѣхъ сторонъ помѣщеніе, имѣющее двери съ южной (передней) стороны и украшенное 15 четырехугольными полуколоннами, упирающимися въ дорическій епистиль. Внутри комнаты шесть дорическихъ восьмиугольных колоннъ поддерживали полъ верхняго этажа и дѣлили помѣщеніе на двѣ равныя продольныя части. Этотъ нижній этажъ нельзя считать какъ бы высокимъ фундаментомъ верхняго портика; это—жилое помѣщеніе, какъ это видно изъ учтѣвшихъ на мѣстѣ каменныхъ скамеекъ между средними колоннами ¹⁾). Верхній этажъ представлялъ ионическій портикъ, совершенно схожій съ одноэтажнымъ, и также перерѣзывался вдоль шестью колоннами, стоящими какъ разъ надъ дорическими колоннами нижняго этажа. Передняя сторона была открыта и обставлена ионическою колоннадою и между колоннами рѣзною рѣшеткою приблизительно на $\frac{1}{2}$ высоты колонны.

Вспомнивъ упомянутыя выше слова Павсанія, мы опять должны задаться вопросомъ: къ которой части этого двухъ-этажнаго портика они относятся? Если мы имѣли основаніе думать, что Павсаній говоритъ не объ одноэтажномъ портикѣ, то тѣмъ болѣе Павсаній не могъ здѣсь говорить о верхнемъ этажѣ западнаго портика, такъ какъ это помѣщеніе, будучи открытымъ и находясь значительно выше восточнаго портика, еще скорѣе было подвержено непогодѣ и особенно вѣтру. Итакъ, Павсаній могъ имѣть въ виду только нижній этажъ, который по своему устройству какъ нельзя лучше удовлетворяетъ назначенной цѣли.

Рѣшая настоящій вопросъ, г. Каввадіи относитъ слова Павсанія также къ западному портику, но не къ нижнему этажу его, а къ верхнему, хотя при этомъ онъ и удивляется столь не цѣлесообразному устройству этой спальни больныхъ. Такое категорическое утвержденіе, заставившее г. Каввадіи не придать должнаго значенія несоответствію этого зданія назначенной цѣли по его устройству, основано имъ на одномъ эпизодѣ, сохранившемся въ надписи исцѣлений ²⁾). Здѣсь разсказывается, что Асклепій исцѣлилъ одного больного, Эскина, который, желая посмотрѣть въ абатъ, то-есть, туда, гдѣ спали больные, взявъ для этого на дерево и, спускаясь потомъ, укололъ себѣ глаза и ослѣпъ. Конечно, изъ этого факта легко заключить, что

¹⁾ Цѣлыя скамьи найдены только между 3-й и 4-й колоннами, а отъ остальныхъ сохранились только обломки.

²⁾ Надпись исцѣлений, десятое чудо; см. ниже.

абать былъ на нѣкоторой высотѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ никакой необходимости помѣщать его именно во второмъ этажѣ западнаго портика. Въ этомъ не только нѣтъ необходимости, но, по нашему мнѣнію, это даже и не возможно въ виду свидѣтельства другой, найденной здѣсь, надписи, свидѣтельства, на которое не обратилъ вниманія г. Каввадіи: именно, въ документѣ, передающемъ произведенное богомъ излѣченіе Юлія Апелласа, между прочимъ сказано, что Аскленій приказалъ больному „περίκατο χρέωσαι ὑπερφύα“¹⁾, то-есть, гулять въ верхнемъ этажѣ. Кажется очевиднымъ, что подѣ словами „верхній этажъ“ (τὸ ὑπερφύον) можно разумѣть только верхній этажъ западнаго портика, такъ какъ въ святилищѣ не было другаго двухъ-этажнаго яданія²⁾. Если же это такъ, то предположеніе г. Каввадіи должно быть оставлено, и то мѣсто, гдѣ больные гуляли днемъ, не могло быть священнымъ, недоступнымъ (ἄβατον = ἄδοτον), мѣстомъ появления бога среди спящихъ больныхъ.

Такимъ образомъ, утверждая, что больные спали въ нижнемъ этажѣ этого портика, намъ слѣдуетъ еще согласовать съ этимъ эпизодъ надписи изцѣлений. Куда могъ смотрѣть, взобравшись на дерево, любопытный посѣтитель святилища? За неизмѣнимъ точныхъ свѣдѣній объ устройствѣ этого абата, мы должны допустить, что внутренность его можно было видѣть или черезъ дверь, или черезъ окна, сдѣланныя, вѣроятно, на столько высоко³⁾, что чрезъ нихъ нельзя было видѣть внутренности помѣщенія, не ставъ на какое-либо возвышеніе; при такомъ устройствѣ открытыя окна не могли вредить спящимъ больнымъ (во время непогоды они, можетъ быть, закрывались), напротивъ, ими можно было пользоваться, какъ вентиляторами, столь необходимыми для небольшого помѣщенія, гдѣ проводило ночь громадное число посѣщавшихъ святилище больныхъ. Во всякомъ случаѣ, скорѣе можно допустить нѣчто подобное, чѣмъ думать, что пациенты Аскленія спали въ почти открытомъ помѣщеніи.

У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о времени постройки портика, равно какъ и о томъ, были ли одновременно выстроены обѣ его части. Г. Каввадіи предполагаетъ, что одноэтажный портикъ старше

¹⁾ Надпись Юлія Апелласа, ст. 10—11; см. ниже.

²⁾ Περίκατος ὑπερφύος — вспоминая по этому поводу οἱ περίκατοι, крытыя галлерей или колоннады въ саду Ликей въ Афинахъ, мы найдемъ возможнымъ допустить, что и въ нашей надписи подѣ словомъ περίκατος подразумѣвается прогулка подѣ колоннадою.

³⁾ Нижний этажъ былъ вышиной 4,40 метра отъ земли.

двухэтажного, именно потому и выведенного въ два этажа, чтобы его можно было подвести подъ общую крышу съ существовавшимъ уже одноэтажнымъ. Мы полагаемъ, что если нужно предположить что-либо по этому вопросу, то во всякомъ случаѣ прямо противоположное мнѣнію г. Каввадія: двухэтажный портикъ не могъ быть сооруженъ послѣ одноэтажного, во первыхъ, потому что овъ былъ самымъ существеннымъ зданіемъ святилища, гораздо болѣе необходимымъ, чѣмъ одноэтажный, во вторыхъ, это ясно изъ его постройки: дѣйствительно, у западнаго портика фундаментъ былъ значительно тоньше, чѣмъ у одноэтажного, и потому для болѣе прочности, когда замѣченъ былъ этотъ недостатокъ, подъ стѣны зданія были подведены особныя подпорки, у одноэтажного же ихъ не было; ясно, что у этого послѣдняго фундаментъ былъ сдѣланъ толще именно вслѣдствіе того, что непрочность фундамента двухэтажного портика была уже замѣчена. Итакъ, мы имѣемъ болѣе основаніе считать старше двухэтажный портикъ.

Въ юго-восточномъ углу одноэтажнаго портика найденъ обложенный туфомъ круглый колодезь, можетъ быть, тотъ самый, вода котораго служила для религіознаго омовенія предъ началомъ испрашиванія у бога совѣта. Подобное омовеніе было первою ¹⁾ и никогда не отмѣняемою обязанностью больного и, какъ необходимое предъ всякимъ религіознымъ актомъ, въ святилищахъ Аскленія имѣло еще чисто гигиеническое значеніе, потому что множество больныхъ, собиравшихся со всѣхъ концовъ Греціи, представляли мало гарантіи не занести въ святилище какихъ-либо заразныхъ болѣзней; эти ванны служили предохранительнымъ средствомъ, хотя, конечно, и не безусловно достигающимъ своей цѣли. Въ виду этого бассейны съ волей существовали при всѣхъ оракулахъ Аскленія.

На днѣ описываемаго нами колодезя было найдено много обломковъ небольшихъ сосудовъ, желѣзныхъ ручекъ тоже, вѣроятно, отъ посуды и нѣсколько мѣдныхъ колець въ діам. 0,10—0,15 мтр.

Ротонда Полкклита.

Описывая Эпидаврійское святилище, Павсаній говоритъ: οἰκῆμα δὲ περιφερὲς λίθου λευκοῦ, χαλοῦμενον Θόλος, φησὶ δόμηται πλεσίον θεῶν ἄξιον. Это самое великолѣпное зданіе священнаго округа было, дѣй-

¹⁾ Ср. Aristophan. Plutos, 656.

ствительно, $\theta\acute{\epsilon}\alpha\varsigma \xi\acute{\epsilon}\iota\omicron\nu$ и, благодаря тщательнымъ раскопкамъ, извѣстно теперь до мельчайшихъ подробностей, такъ что возстановить его легче, чѣмъ какое-либо другое изъ открытыхъ зданій святилища: при раскопкахъ были найдены не только крупныя архитектурныя части, но и мелкія лѣпныя украшенія.

Какъ мы уже замѣтили, развалины этого зданія были открыты прежде храма Асклепія и портика и даже послужили руководящею нитью къ дальнѣйшимъ раскопкамъ. Положеніе фундамента и стѣнъ было открыто въ такомъ видѣ: фундаментъ состоялъ изъ трехъ концентричныхъ круговъ, уходившихъ въ землю на 1,5 мтр.; изъ нихъ два меньшіе до раскопокъ были совершенно покрыты землей, а видная изъ обсыпаннагося рва часть принадлежала большому (наружному) кругу. Ближе къ центру этихъ круговъ были открыты еще три концентричныя стѣны, а не фундаментъ, потому что на нихъ на мѣстѣ сохранились остатки пола. Такимъ образомъ планъ всего зданія представляетъ шесть круговъ, изъ которыхъ большій имѣетъ въ діаметръ 21,76 мтр., а меньшій — 2,40.

Что же было построено на этихъ трехъ фундаментахъ? На это указываютъ, во первыхъ, сохранившаяся часть стѣны на промежуткѣ между большимъ и среднимъ фундаментами, и, во вторыхъ, найденныя на нихъ остатки дорическихъ и коринтскихъ колоннъ. Изъ этого видно, что стѣна ротонды упиралась на два большіе фундамента, а колонны размѣщались на большемъ фундаментѣ, рядомъ со стѣною (онъ былъ шире остальныхъ на $\frac{1}{3}$, и могъ вмѣстить, и стѣну, и колоннаду) и на третьемъ фундаментѣ, то-есть, уже за стѣною, внутри зданія ¹⁾; при этомъ внутренняя колоннада состояла изъ 14-ти коринтскихъ колоннъ, а наружная изъ 26-ти дорическихъ ²⁾. Итакъ, въ прямомъ смыслѣ фундаментами были только два большіе круга, такъ какъ только на нихъ была выстроена стѣна, а меньшій кругъ былъ общимъ базисомъ коринтскихъ колоннъ.

На трехъ круглыхъ стѣнахъ уцѣлѣла часть покрывавшаго ихъ пола зданія, изъ чего слѣдуетъ заключить, что всѣ эти стѣны были наравнѣ съ кругами фундамента и находились подъ поломъ ротонды

¹⁾ Прежде г. Кавендишъ предполагалъ, что оба колоннады были наружныя, что послѣ измѣренія оказалось невозможнымъ, такъ какъ для коринтской колоннады нѣтъ мѣста на наружныхъ кругахъ.

²⁾ Число колоннъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ определено архитекторомъ г. Дёрпелъдомъ, тщательно измѣрившимъ окружность фундаментовъ, діаметръ колоннъ въ основаніи и разстоянія между ними.

ближе къ ея центру; служа такимъ образомъ подпорою пола, онѣ образовали небольшой подземный лабиринтъ изъ трехъ круговъ, перерѣзанныхъ при этомъ перпендикулярною стѣною. Въ промежутокъ между двумя большими стѣнами былъ ходъ изъ самой ротонды; чтобы попасть въ слѣдующій промежутокъ, нужно было обойти кругомъ весь первый, такъ какъ входъ въ него былъ за вертикальною стѣною; то же самое нужно было сдѣлать, чтобы пройти въ центръ этихъ круговъ; при этомъ промежутки между стѣнами были такъ узки, что едва можно было пройти человѣку. Безъ сомнѣнія, такое устройство было вызвано какою-либо цѣлью; г. Каввадій предполагалъ, что здѣсь былъ источникъ, но, не говоря уже о томъ, что здѣсь, какъ замѣчаетъ г. Каввадій, не видно слѣдовъ воды, этимъ предположеніемъ не объясняется устройство подземелья: для какой цѣли оно было сдѣлано именно въ видѣ лабиринта?

Въ этомъ подземномъ помѣщеніи было найдено много обломковъ колоннъ, плитъ пола, черепицъ отъ крыши и лѣпныхъ украшеній потолка и карниза, такъ что роскошная отдѣлка ротонды достаточно извѣстна. Павсаній, дѣйствительно, могъ назвать это зданіе *οἰκητὴν λίθοιο λαυκοῦ*⁴, потому что матеріаломъ для него служили исключительно туфъ и бѣлый мраморъ, при чемъ преобладалъ послѣдній, а изъ туфа были сдѣланы только фундаментъ, стѣна и дорическая колоннада. Полъ зданія состоялъ изъ трехъ частей различнаго матеріала, а именно, изъ туфа между дорическими колоннами, изъ известняка (*τίτανος λίθος*) между этою колоннадою и стѣною, внутри же ротонды полъ былъ выложенъ ромбондальными плитами бѣлыми изъ мрамора и черными изъ чернаго елевсинскаго камня. Дорическія колонны упирались въ легкой архитравъ, надъ этимъ шелъ рядъ метоповъ, украшенныхъ изящными, тонкой работы розетками; все зданіе кругомъ опоясывалось красивымъ мраморнымъ бордюромъ изъ львиныхъ головъ, которые раздѣлялись одна отъ другой листообразными разводами и вверху были обведены линіей сложнаго меандра; надъ бордюромъ между львиными головами стояли украшенія въ видѣ мраморныхъ листьевъ (*κεραμίδες ἀνθερωτέη*). Замѣчательно нѣжной работы мраморная коринтская колоннада дѣлила внутренность ротонды на круглый залъ и опоясывавшій его узкій коридоръ между колоннами и стѣною, отдѣланною съ этой стороны также бѣлымъ мраморомъ. Все свое стараніе художникъ употребилъ на внутреннюю отдѣлку ротонды, гдѣ съ особымъ изяществомъ были выдѣланы прелестныя капители коринтскихъ колоннъ, соединяющій

яхъ круглый еписталь и потолокъ ротонды. Вообще весь потолокъ, какъ снаружи, такъ и внутри зданія, былъ мраморный; наружный состоялъ изъ двойнаго ряда квадратовъ, обведенныхъ узоромъ изъ кружковъ, а внутренній изъ одного ряда такихъ же квадратовъ, но украшенныхъ бордюромъ болѣе сложнаго рисунка. Кромѣ того, со словъ Павсанія мы знаемъ, что внутри ротонды стѣны были покрыты живописью работы Павсія, напримѣръ, одна картина представляла Ероса, который, оставивъ стрѣлы и лукъ, держалъ въ рукахъ лиру; другая изображала пьющую изъ бокала Мееу. Общее впечатлѣніе этого „блага зданія“ не было нарушено тѣмъ, что нѣкоторыя его наружныя части были покрыты краской, именно тѣ части, которыя требовали особой отгѣвки, какъ напримѣръ, метопы, на которыхъ сохранились слѣды темнокрасной краски ¹⁾.

До нашего времени дошло очень немного построекъ подобнаго архитектурнаго типа, а описанная ротонда, напоминая собою извѣстный Фидіеѣвъ въ святилищѣ Зевса въ Олимпіи, выстѣ съ нимъ представляетъ единственный типъ подобныхъ сооружений чисто греческаго (не римскаго) происхожденія. Строителемъ ротонды былъ Поликлитъ Младшій (въ первой половинѣ IV в. до Р. X.), какъ объ этомъ съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ догадывается г. Каввадіи на основаніи изученія найденной здѣсь роскошной капители одной изъ коринскихъ колоннъ ²⁾.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о предположеніяхъ по вопросу о назначеніи этой великолѣпной ротонды. Г. Каввадіи даетъ два предположенія: онъ думаетъ, что это зданіе было назначено, можетъ быть, для музыкальныхъ упражненій и состязаній, но замѣчаетъ при этомъ, что устройство зданія мало соотвѣтствуетъ этой цѣли, такъ что для г. Каввадіи кажется болѣе вѣроятнымъ назначеніе ротонды для какихъ-либо мистерій. Въ этомъ вопросѣ, при отсутствіи какихъ-либо намековъ древнихъ авторовъ и эпиграфическихъ документовъ, трудно, конечно, угадать положительно вѣрное, но, по нашему мнѣнію, изъ предположеній г. Каввадіи болѣе вѣроятія имѣетъ все-таки первое: у насъ нѣтъ никакихъ указаній на существованіе въ Эпидаврійскомъ святилищѣ какихъ-либо мистерій, и потому слишкомъ рискованно предполагать,

¹⁾ Внутри зданія слѣды синей краски видимъ на квадратахъ потолка, а темнокрасной на бордюрѣ между ними.

²⁾ См. 'Εφ. η. 'Αρχ. 1885 г., стр. 281—234.

что для этих мистерій было построено особое зданіе. Первое же предположеніе г. Каввадія, подтверждаемое частью изображеніемъ Ероса, играющаго на лирѣ, находитъ особое вѣроятіе, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ святилищѣ были приняты всѣ мѣры, чтобы больные равнообразнѣе проводили день, такъ какъ это извѣстнымъ образомъ вліяло на ихъ душевное состояніе и располагало къ болѣе успѣшному инкубаціонному испрашиванію у бога совѣта: здѣсь были различныя игры¹⁾, былъ по близости великолѣпный театръ и стадій; происходили, вѣроятно, и различныя состязанія, особенно во время празднествъ 'Ἀσκληπιεία²⁾, въ томъ числѣ и музыкальныя, требовавшія, конечно, особаго зданія, которымъ и была, можетъ быть, ротонда Поликлита. Во всякомъ случаѣ, мы скорѣе опредѣлили бы назначеніе этого зданія, еслибы могли угадать цѣль, съ которою былъ построенъ упомянутый подземный лабиринтъ, но это пока для насъ тайна.

Храмъ Артемиды.

Асклепій былъ главное божество Эпидаврийскаго святилища; но въ священныя округахъ своихъ боговъ древніе греки обыкновенно воздвигали нѣсколько храмовъ; одинъ, главный былъ посвященъ тому божеству, имя котораго носило святилище, другіе храмы посвящались божествамъ, или имѣющимъ отношеніе къ культу главнаго бога, или вообще пользовавшимся особымъ почетомъ въ данной области. Такъ и въ Эпидаврийскомъ священномъ округѣ, по словамъ Павсанія, почитались и обладали храмами Артемида, Афродита, Гемидя и др.

Открытый раскопками храмъ Артемиды находился въ юго-восточной части святилища и сохранился значительно хуже храма Асклепія: отъ него найденъ только фундаментъ и сохранившійся на мѣстахъ полъ. Храмъ этотъ дѣйствительно принадлежалъ этой богинѣ: это доказываютъ, во первыхъ, найденный около храма большой камень съ древнею надписью: 'Ἀρτέμιδι, во вторыхъ, части сохранившагоса бордюра храма, состоящаго изъ мраморныхъ собачьихъ головъ. Такъ какъ Артемида была второстепеннымъ божествомъ святилища, то и посвященный ей храмъ былъ значительно меньшихъ размѣровъ: его

¹⁾ Напримѣръ, игра въ кости, см. надпись исцѣленій, ст. 25 и 70.

²⁾ Объ этихъ празднествахъ: Plato, Ion. 530 A, документы: C. I. Gr. № 1171, 3208; *Revue Archéol.*, XXIV (1872 г.), стр. 109 (= *Dittend. Syll.* II, № 398); 'Εφῆμ. 'Αρχ. 1888 г., стр. 80 сл., № 10 и 82.

длина=13,50 мтр., а ширина 9,60 мтр. По своей архитектурѣ онъ представлялъ довольно рѣдкій типъ греческой храмовой постройки, такъ называемый *прóστολος ἐξάστολος*; онъ не былъ окруженъ колоннадой, его открытый со всѣхъ сторонъ *прóναος* вмѣсто стѣнъ имѣлъ дорическія колонны, расположенныя такъ, что на передней, входной сторонѣ ихъ было шесть, а по сторонамъ южной и сѣверной еще по одной колоннѣ, рядомъ съ парастадами стѣны храма. Въ самой святынѣ (*cella*) вдоль трехъ ея стѣнъ (кромѣ передней, имѣвшей двери) были расположены въ одинъ рядъ 10 такихъ же дорическихъ колоннъ, такъ что на каждой сторонѣ было по четыре колонны. Всѣ части храма были построены изъ того же матеріала, какъ у храма Асклепіа, но по наружной и внутренней отдѣлкѣ значительно уступали этому послѣднему: здѣсь нѣтъ такихъ разнообразныхъ лѣпныхъ украшеній, какъ у храма Асклепіа, не видно и слѣдовъ того, чтобы у него были фронтоныя группы или какія-либо *ἀκρωτήρια*. Статуя богини, стоявшая въ святынѣ, не найдена, но по близости храма отрыта небольшая votивная статуя Артемиды, изображающая три фигуры богини около одного круглаго столба; на базисѣ статуй надпись: 'Αρτέμιδι Ἐκάτη Ἐκλήκοσι Φάβολλος¹⁾. Эта находка даетъ намъ возможность найти причину существованія въ Эпидаврійскомъ святилищѣ культа Артемиды. Эта богиня почиталась здѣсь подъ именемъ 'Εκάτη²⁾, а это уподобленіе Артемиды Гекатѣ служить для насъ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что богиня пользовалась здѣсь почетомъ, какъ помощница Асклепіа, обладающая тоже цѣлебною силой, и потому храмъ ея былъ важною святыней Эпидаврійскаго священнаго округа³⁾.

Мы описали всѣ извѣстныя зданія Эпидаврійскаго святилища въ такомъ видѣ, какъ они воскресли передъ нами изъ покрывавшаго ихъ болѣе полутора тысячи лѣтъ толстаго слоя земли. Конечно, сильно измѣнились они за это время, краса ихъ поблекла до неузнаваемости, но этотъ періодъ времени не измѣнилъ все-таки общей топографіи святилища: она открылась, какъ на ладони. Упомянемъ еще, что къ югу отъ восточнаго конца храма Асклепіа на 7,75 мтр.

¹⁾ 'Εφημ. 'Αρχ. 1883 г., стр. 152, № 48. Въ другомъ найденномъ здѣсь votивномъ приношеніи Артемиды имѣетъ эпитетъ 'Ορβία ('Εφημ. 'Αρχ. 1885 г., стр. 195, № 98).

²⁾ Ср. 'Αρτεμιν δ' Ἐκάταν у Aesch. Suppl. 696; καὶ Λατοῦς Ἐκάτα у Eurip. Phoen. 110; также С. I. Att. I, № 208, Bull. de corr. hellén. VI, стр. 344.

³⁾ Артемиды вообще обладали въ этой области многочисленными святилищами и храмами, напримѣръ, см. Paus II, 24,4; 28,2; 29,1; 31,1—4; 35,1 и др.

найлены развалины большого жертвенника, о котором ничего не говорит Павсаний. Этот жертвенник предназначался, по всему вѣроятію, для благодарственныхъ жертвоприношеній, совершаемыхъ послѣ лѣченія и состоявшихъ въ закланіи особыхъ посвященныхъ богу животныхъ; между тѣмъ какъ для предварительныхъ жертвоприношеній предъ началомъ лѣченія былъ особый жертвенникъ въ *πρόναος*'ѣ, а самыя жертвоприношенія состояли, по словамъ Аристофана, въ сожиганіи особыхъ медовыхъ лепѣшекъ (*μέλιτρον*, *μάλιτρον*)¹⁾. Изъ этого видно, что инкубационныя гаданія въ святилищахъ Аскленія были обставлены не такъ, какъ при оракулахъ Амфіараа, гдѣ вопрошавшій ложился спать на шкурѣ принесеннаго имъ въ жертву животнаго²⁾:

Мы могли бы еще пополнить картину Эпидаврійскаго священнаго округа изъ описанія Павсанія, еслибы это послѣднее отличалось такою точностью и ясностью, чтобы по немъ возможно было положительно знать мѣсто упоминаемыхъ Павсаніемъ и не обнаруженныхъ раскопками зданій. Но, къ сожалѣнію, точность изложенія не вездѣ составляетъ достоинство географическаго труда древняго перипегита: описаніе Павсанія не только не ясно, но мѣстами не свободно и отъ очевидныхъ ошибокъ, которыя относительно Эпидаврійскаго святилища произошли главнымъ образомъ отъ того, что писатель, бывавъ въ этомъ святилищѣ, плохо запомнилъ, какія зданія были въ предѣлахъ священнаго округа и какія за периволомъ. Мы видѣли уже выше ошибку Павсанія относительно положенія театра; то же самое слѣдуетъ сказать и о положеніи стадія, который не могъ по своей величинѣ быть *ἐντός τοῦ ἄλλοου*, какъ это увѣриетъ Павсаний. Затѣмъ мы не имѣемъ возможности, хотя бы приблизительно, опредѣлить положеніе храмовъ боговъ Эпидотонъ, Игіемъ, Аскленія и Аполлона, по прозванію Египетскихъ, всѣхъ этихъ зданій, которыми, по словамъ Павсанія, украсилъ святилище благочестивый императоръ Антонинъ Пій еще въ бытность свою сенаторомъ; не знаемъ мы также, гдѣ находился упоминаемый Павсаніемъ источникъ, надъ которымъ былъ построенъ красивый павильонъ (*κρήνη τῆ τῶ ὀρόφῳ καὶ χόρῳ τῆ λοιπῆ θεῶν ἄστια*); во всякомъ случаѣ за этотъ источникъ

¹⁾ Aristoph. Plut. 678—681. Хотя въ Аѳинскомъ святилищѣ Аскленія, по замѣчанію Аристофана, этотъ жертвенникъ стоялъ тамъ, гдѣ спали больные, то-есть, въ абатѣ.

²⁾ Инкубационный оракул Амѣараа въ Орошѣ, Раул. II, 34, 5.

нельзя принять колодезь въ углу портика, потому что изъ порядка описанія Павсанія мы должны заключить, что этотъ источникъ представлялъ отдѣльное сооруженіе и находился далеко отъ портика, гдѣ-нибудь по близости храма Артемиды.

Историческая судьба Эпидаврійской святилища отъ насъ почти сокрыта. Достигнувъ своего высшаго развитія въ IV вѣкѣ до Р. Х., этотъ оракулъ существовалъ по крайней мѣрѣ до конца II-го вѣка по Р. Х. и, конечно, претерпѣлъ за это время много перемѣнъ. Высшая краса и величіе его стали блекнуть со времени владычества римлянъ, этого свободомыслящаго въ вопросахъ религіи народа; съ легкой руки Суллы ¹⁾, римляне не разъ удовлетворяли свое корыстолюбіе богатствами этой святилища. Постепенное уменьшеніе славы оракула, какъ главнаго лѣчебнаго пункта, относится тоже въ этому времени и кончается тѣмъ, что Эпидаврійская святилища должна была уступить первенство пергамскому оракулу Асклепія, получавшему все болшую славу вслѣдствіе тѣснаго сближенія съ извѣстными мѣстными врачами.

II.

Раскопки въ святилищахъ древне-греческихъ божествъ бывають обыкновенно весьма успѣшны и богаты памятниками древности и, безъ сомнѣнія, потому, что все, находящееся въ предѣлахъ святилища, считалось собственностью божества и не могло быть употребляемо людьми; если же мы иногда при раскопкахъ и не достигаемся нѣкоторыхъ предметовъ, о существованіи которыхъ мы имѣемъ точныя указанія древнихъ, то это только потому, что то или другое святилище подверглось разграбленію уже въ позднѣйшія времена, и такимъ образомъ всеокрушающее время наложило свою руку и на сокровища древне-греческихъ святилищъ. Такой участи не избѣгло и Эпидаврійское святилище Асклепія.

Археологическія находки, добытыя раскопками Эпидаврійскаго священнаго округа за 1881—1885 гг., какъ мы уже замѣтили, не обильны, и изъ нихъ существенное значеніе для насъ имѣють почти исключительно найденные эпиграфическіе документы, какъ значительно пополняющіе скудный запасъ историческаго матеріала о сущности инкубационныхъ лѣченій и тѣмъ открывающіе дорогу въ это

¹⁾ См. Diodor. XXXVIII, 7; Paus. IX, 7, 5; Plut. Sulla, 12.

темное мѣсто не только религіозной жизни грековъ, но и исторіи ихъ медицины отъ самаго начала этой послѣдней при оракулахъ бога-цѣлителя Асклепіа ¹⁾. Раскопки открыли три подобные документа, а именно: двѣ надписи исцѣленій совершенно одинаковаго содержанія и надпись, передающую произведенное Асклепіемъ излѣченіе карійца Юлія Апелласа. Первые двѣ относятся, по всему вѣроятію, къ III вѣку до Р. Х., а третья—ко II вѣку по Р. Х. ²⁾.

¹⁾ Недавно произведенными раскопками Аѳинскаго оракула Асклепіа въ этомъ отношеніи значительно уступаютъ раскопкамъ Эпидаврскаго святилища, такъ какъ онѣ не обнаружили ни одного подобнаго документа.

²⁾ Такъ опредѣляетъ время г. Каввадіи. Позволимъ себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ относительно происхожденія надписей исцѣленій. Г. Каввадіи полагаетъ, что эти длинныя записи о произведенныхъ богомъ исцѣленіяхъ были собраны изъ отдѣльныхъ записей, оставленныхъ въ святилищѣ самими исцѣленными, какъ это требовалось обычаемъ (см. 'Εφῆμ 'Αρχ. 1888 г., стр. 219—220). Этотъ же взглядъ подтверждаетъ и г. С. Ренакъ (см. его *Traité d'épigraphie grecque*, стр. 80—81). Намъ кажется, что съ подобнымъ взглядомъ никакъ нельзя согласиться. Чудеса встрѣчаются въ каждой религіи, потому что безъ чудесъ нѣтъ божества, и они суть прямой результатъ его величія, всемогущества и непостижимости. Конечно, на факты, переданные надписями исцѣленій, мы должны смотрѣть не иначе, какъ на чудеса, которыми окружили греки цѣлительную силу своихъ божествъ-цѣлителей Аполлона и Асклепіа, и надписи съ этими чудесами есть, такъ сказать, реклама святилища. При такомъ взглядѣ, допуская существованіе отдѣльныхъ записей, составленныхъ пациентами бога-цѣлителя, мы должны допустить и реальное существованіе самихъ исцѣленій, то-есть, такихъ чудесъ, какъ напримѣръ, что слѣпые прозрѣваютъ, нѣмые начинаютъ сразу говорить, слѣпа, положенная въ сумку разбитая, становится цѣлою и под. Это, конечно, не возможно, какъ основанное только на всемогуществѣ бога и потому имѣющее чисто чудесный характеръ. Затѣмъ самый обычай оставлять въ святилищѣ записи о полученномъ исцѣленіи ничѣмъ точно не засвидѣтельствованъ, тѣмъ болѣе для того времени, къ которому относится нашъ документъ, и можетъ подлежать сомнѣнію въ виду слѣдующаго факта, имѣющаго довольно важное значеніе. Надпись, составленная самимъ больнымъ, именно документъ Ю. Апелласа, относится къ тому времени, когда излеченія при оракулахъ Асклепіа приняла совершенно иную обстановку, будучи основаны на точныхъ медицинскихъ познаніяхъ, но отъ III вѣка до Р. Х. подобныхъ надписей не найдено, ихъ нѣтъ и отъ слѣдующихъ вѣковъ до Р. Х. Такимъ образомъ, есть основаніе думать, что этотъ обычай, если онъ существовалъ, былъ установленъ далеко въ позднѣйшее время, когда рекламы въ родѣ надписи исцѣленій не были убѣдительно, когда требовалось поддержать вѣру въ цѣлительную силу бога не тѣмъ, что приписывать ему разныя чудеса, а поддержать ее, ссылаясь на дѣйствительно бывшія правильныя излеченія. Такими нашими соображеніями, на основаніи которыхъ мы не соглашаемся со взглядами упомянутыхъ ученыхъ. Между тѣмъ г. Каввадіи находитъ опору для своего мнѣнія главнымъ образомъ въ слѣдую-

Не может подлежать никакому сомнѣнiю, что найденныя въ настоящее время двѣ надписи исцѣленій принадлежать къ числу тѣхъ шести надписей, о которыхъ говорятъ Павсанiй ¹⁾). Древнiй перiнгитъ не только видѣлъ ихъ, но и заинтересовался ихъ содержанiемъ и на столько внимательно прочелъ ихъ, что запомнилъ выраженiя этихъ надписей. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своего описанiя Павсанiй, говоря о городѣ Галикѣ, замѣчаетъ: ²⁾ καὶ Ἀλικὸς λόγος: ἐν στήλας ἐστὶ ταῖς Ἐπιδαυρίων, αἱ τοῦ Ἀσκληπιοῦ τὰ ἱάματα ἐγγυραμμένα ἔχουσιν. И дѣйствительно, слово Ἀλικὸς встрѣчается въ 120 ст. первой надписи исцѣленiй и въ 19 и 69 ст. второй.

Документы эти найдены слишкомъ въ двадцати кускахъ, изъ коихъ десять образовали почти полный текстъ первой надписи, а остальные принадлежали второй, сохранившейся значительно хуже,

щемъ. Вторая надпись исцѣленiй передаетъ одно чудо (см. 3-е исцѣленiе), сохранившееся съ нѣкоторымъ вариантомъ въ отрывкѣ историка Ипписа (см. у Элиана de nat. anim. IX, 33—С. Müller, Fragm. historiae graecae II, стр. 16). Г. Каввадiй, доверяясь свидѣтельству Свиды, называющаго Ипписа современникомъ Персидскихъ войнъ, видитъ въ этомъ фактѣ неоспорное доказательство того, что наша надпись представляетъ именно переложенiе отдѣльныхъ записей, которыя и служили источникомъ для Ипписа, такъ какъ нашей надписи во время этого историка (V вѣка до Р. X.) еще не существовало. Это чудесное исцѣленiе, какъ вариантъ разказа Ипписа, обратило на себя вниманiе ученыхъ, изъ которыхъ У. е. Вилламовицъ-Меллендорфъ посвятилъ этому особенно интересную статью (*Hermes*, XIX, стр. 442 сл.), гдѣ онъ окончательно подтвердилъ уже существовавшее ранѣе мнѣнiе, что нельзя считать за сочиненiя Ипписа все то, что приписываетъ ему Свиды; кромѣ того, на основанiи нашей надписи и другихъ свидѣтельствъ, г. Вилламовицъ пришелъ къ тому заключенiю, что хронологическая дата Свиды о времени жизни Ипписа не вѣрна, и что этотъ историкъ жилъ не ранѣе III вѣка до Р. X. Такимъ образомъ, благодаря этому весьма правдоподобному разъясненiю, утверждене г. Каввадiа теряетъ свое болѣе прочное основанiе: историкъ Ипписъ могъ пользоваться прямо дошедшими до насъ документами.

На нашу взглядъ, надписи исцѣленiй есть всецѣло произведенiе жрецовъ Асклепiа, составившихъ ихъ для вѣщающаго доказательства всемогущества богачества, такъ сказать, ad summam gloriam dei.

¹⁾ Раув. II, 27, 8. Найденные документы изданы въ 'Ефѣм. 'Арх. 1883 г. стр. 197, № 59 и 1885 г., стр. 1, № 80; сохранился еще небольшой обломокъ третьей подобной надписи 'Ефѣм. 'Арх. 1885 г., стр. 85, № 87. Кромѣ того, всѣ документы Эпидаврийскаго святилища изданы съ богатыми комментарiями братьями Баунакъ (*Studien auf dem Gebiete der Griechischen und der arischen Sprachen von Joh. und Th. Baunack*, I Band, 1 Theil. Leipz. 1886 г.).

²⁾ Раув. II, 36, 1.

особенно въ концѣ ¹⁾, такъ что на ней свободно читаются только первые 12 исцѣленій, а въ остальныхъ не возможно сдѣлать и болѣе или менѣе вѣроятныхъ восстановленій. По русски надписи могутъ быть переданы приблизительно такъ:

I-я надпись.

Богъ. Въ добрый часъ.

Исцѣленія Аполлона и Асклепия.

1) Клео была беременна пять лѣтъ ²⁾. Она, будучи беременною уже пять лѣтъ, пришла къ богу съ просьбою и легла спать въ абатѣ; какъ только она вышла и очутилась внѣ святилища, она родила сына, который тотчасъ послѣ рожденія сталъ мыться въ источникѣ и ходить вмѣстѣ съ матерью. Достигнувъ этого, она написала на посвященномъ камнѣ: „Достойна удивленія не величина камня, а божество, такъ какъ Клео въ продолженіе пяти лѣтъ носила въ утробѣ, пока не заснула, и богъ исцѣлилъ ее“.

2) Трехлѣтняя дѣвочка. Немоника изъ Пеллены пришла въ святилище ради потомства и заснувъ увидѣла сонъ: ей приснилось, что она проситъ бога, чтобы забеременѣть дѣвочкой, и что Асклепій сказалъ ей, что она забеременѣетъ, и что если она попроситъ еще о чемъ-нибудь, онъ исполнитъ и это; она отвѣчала, что болѣе ни въ чемъ не нуждается. И сдѣлавшись беременною, она носила въ утробѣ три года, пока не обратилась къ богу съ просьбою о разрѣшеніи отъ бремени; заснувъ, она увидѣла сонъ: ей приснилось, будто богъ спрашиваетъ ее, развѣ съ нею не случилось все то, о чемъ она просила, и развѣ она не забеременѣла; вѣдь о разрѣшеніи отъ бремени она ничего не просила, хотя онъ и спрашивалъ ее, не нуждается ли она еще въ чемъ-нибудь, и сказалъ, что сдѣлаетъ и это; но такъ какъ она обратилась теперь съ просьбою относительно родовъ, то онъ сказалъ, что исполнитъ и это. Затѣмъ она послѣшила выйдти изъ абата и, какъ только очутилась внѣ священнаго округа, родила дѣвочку.

3) Мужчина, не владѣющій пальцами руки, кромѣ одного, при-

¹⁾ Обѣ надписи вырѣзаны красивымъ, прямымъ шрифтомъ на сѣромъ такъ называемомъ итаграскомъ камнѣ. Размѣры 1-го камня—выс. 1,75 мтр., шир. 0,75 и толщ. 0,17; 2-го камня—1,71, 0,77; 0,15; строки перваго документа одинаковой длины и содержатъ отъ 48—51 буквы; съ 115—120 ст. буквамъ вырѣзанъ болѣе сжатъ, а съ 120-го до конца шрифтъ становится мельче. Вторая надпись вырѣзана болѣе мелкимъ шрифтомъ.

²⁾ Почти каждое исцѣленіе имѣетъ подобное заглавіе.

слѣпыя исцѣлялись, только увидя сонъ. Когда же она заснула, ей приснилось, что богъ, ставъ возлѣ, сказалъ, что сдѣлаетъ ее здоровою, но что она должна пожертвовать, какъ плату, въ святилище серебряную свинью—память о ея невѣжествѣ, и, сказавъ это, богъ разрѣзалъ ей больной глазъ и влилъ въ него какое-то лѣкарство. На утро она вышла здоровою.

5) Нѣмой мальчикъ пришелъ въ святилище съ просьбою о дарѣ слова. Когда онъ совершилъ жертвоприношеніе и исполнилъ все установленное, послѣ этого слуга, приносящій богу огонь для жертвоприношеній, (?) ¹⁾, сказалъ, обратившись къ отцу мальчика: „Общай, достигнувъ желаемого, въ теченіе года совершать благодарственное жертвоприношеніе за исцѣленіе“, тогда мальчикъ внезапно проговорилъ: „общаю“; отецъ, изумленный этимъ, велѣлъ ему еще разъ сказать, и онъ повторилъ и съ той поры сталъ здоровъ.

6) Пандаръ оессалиецъ съ клеймами на лбу. Этотъ, заснувъ увидѣлъ сонъ: ему приснилось, будто богъ повязалъ его клейма повязкой и велѣлъ ему снять ее при выходѣ изъ абата и посвятить въ храмъ. Съ наступленіемъ дня онъ всталъ и снялъ повязку, и лобъ его очистился отъ клеймъ; и онъ посвятилъ въ храмъ повязку, имѣющую на себѣ позорныя значки.

7) Ехедоръ получилъ къ своимъ клеймамъ еще клейма Пандара. Этотъ взявъ отъ Пандара деньги для того, чтобы пожертвовать ихъ за него богу въ Эпидавръ, не отдалъ ихъ. Заснувъ, онъ увидѣлъ сонъ: ему приснилось, что богъ, подойдя къ нему, спрашиваетъ его, не имѣетъ ли онъ какихъ-либо денегъ отъ Пандара, какъ вкладъ ²⁾

¹⁾ Начальныя девять буквъ 44-го стиха пропали на камнѣ Г. Каввадій двѣ буквы передъ і читаетъ *κο* (*κοι*), а на мѣсто послѣднихъ семи буквъ ставитъ *καὶ θεῶν* съ сомнѣніемъ, не будучи въ состояніи найти другаго возстановленія; но и кромѣ того, мы не имѣемъ параллельнаго мѣста, показывающаго, что *πυρρορ* приносилъ жертву. (См. P. Girard, ук. соч. стр. 30). Другіе ученые тоже не могли ничего сдѣлать; намъ кажется, что вѣроятное возстановленіе возможно лишь въ томъ случаѣ, если помнить и [*κο*] г. Каввадія. Имя девять свободныхъ мѣстъ мы думаемъ читать: [*ἰξελθῶν κα*] τὸν πατέρα τὸν τοῦ παιδὸς καταβλέψας..., то-есть, послѣ того какъ больной принесъ жертву (*προσέθετο*, ст. 42), *πυρρορ*, выйдя оттуда, гдѣ совершалось жертвоприношеніе, обратился къ отцу мальчика и сказалъ...

²⁾ Это мѣсто сохранилось въ непорченномъ видѣ. Г. Каввадій списалъ съ камня: *εἰ ἔχει τινὰ χρήματα παρ Πανδάρου ἢ [π:]θῆν' ἀν ἄνθεμα*, но объяснить это мѣсто отказался. Г. Видамовицъ тоже не объяснилъ этого и только написалъ *ἢ . . θῆσαν ἄνθεμα*. Мы думаемъ, что слѣдуетъ согласиться съ мнѣніемъ У. Ваунака (ук. соч. стр. 125, прим. 8), который считаетъ одно *αν* повтореніемъ по ошибкѣ рѣзчика; такимъ образомъ получается *ἐπιθῆν' ἀν<αν>θημα*.

въ святилище, онъ же отвѣчалъ, что не получалъ отъ него ничего подобнаго, но что если богъ сдѣлаетъ его здоровымъ, то онъ посвятитъ ему изображение съ надписью. Послѣ этого богъ повязалъ на его клейма повязку Пандара и приказалъ ему, выйдя изъ абата, снять ее и, умывъ лицо въ источникѣ, посмотрѣть въ воду. Когда наступилъ день, онъ вышелъ изъ абата, снялъ повязку, уже не имѣющую клеймъ, и, посмотрѣвъ въ воду, увидѣлъ, что его лобъ, кромѣ своихъ клеймъ, получилъ и клейма Пандара.

8. Евфанъ, мальчикъ изъ Эпидавра. Этотъ, страдая каменною болѣзнию, заснулъ, и ему приснилось, что богъ, подойдя къ нему, сказалъ: „Что ты дашь мнѣ, если я сдѣлаю тебя здоровымъ?“ и что онъ отвѣтилъ: „Десять игральныхъ костей“; богъ же, разсмѣявшись, сказалъ, что налѣчить его. И съ наступленіемъ дня онъ вышелъ здоровымъ.

9. Мужчина слѣпой на одинъ глазъ, такъ что имѣлъ лишь одинъ вѣки, въ нихъ же ничего не было, пришелъ къ богу за помощью. Нѣкоторые изъ бывшихъ въ святилищѣ говорили ¹⁾ о его чуждости думать получить зрѣніе, когда у него совершенно не было глазъ, а лишь пустое мѣсто. Во снѣ онъ увидѣлъ, что богъ составилъ какое-то лѣкарство, расширилъ ему вѣки и влилъ его туда. На утро онъ вышелъ, видя на оба глаза.

10. Фляга. Обозный солдатъ направляясь въ святилищу, упалъ, когда былъ отъ святилища приблизительно въ разстояніи 10 стадій; встанъ, онъ открылъ сумку и сталъ смотрѣть разбитую утварь. Увидя разбитую флягу, изъ которой обыкновенно пилъ его господинъ, онъ опечалился и присѣвъ сталъ складывать черепки. Въ это время одинъ путникъ, увидя его, сказалъ: „чужаки! что ты напрасно складываешь флягу? ее не сумѣешь сдѣлать цѣлою даже Асклеій Эпидаврійскій“. Услыша это, слуга собралъ черепки въ сумку и направился въ святилище: по приходѣ туда, онъ открылъ сумку и вынулъ флягу, сдѣлавшуюся цѣлою. И онъ передалъ господину все сдѣланное и сказанное, и онъ, услыша это, посвятилъ флягу богу.

11. Эсхинъ, когда просители уже заснули, заглядывалъ въ абата, взобравшись на дерево; слѣзая же, онъ выкололъ себѣ глаза о ка-

¹⁾ ἔλεγον δὴ τινες τῶν ἐν τῷ ἱερῷ τὰν εὐηθίαν αὐτοῦ τὸ νομίζεσθαι βλαψείσθαι ὄλως μηδεμίαν ὑπαρχάν ἔχοντος ὀφθαλμοῦ, ἀλλ' ἢ χάρακ μόνον. Мы не видимъ необходимости, по предложенію г. Цахера (*Hermes*, XXI, стр. 467); читать вѣсто ἔλεγον δὴ—ἐγέλων δέ.

кіе-то сучья и, чувствуя себя нехорошо и ослѣпнувъ, обратился съ мольбою къ богу и, заснувъ, исцѣлился.

12. Евгениъ впродолженіе шести лѣтъ носилъ въ щеки остріе копья. Когда онъ заснулъ, богъ вынулъ изъ щеки остріе и далъ его ему въ руки. Съ наступленіемъ дня онъ съ остріемъ въ рукахъ вышелъ здоровымъ.

13. Мужчина изъ Тороны, проглотившій пиявки. Этотъ, заснувъ, увидѣлъ сонъ: ему приснилось, будто бы богъ разрѣзавъ ему грудь ножомъ, вынулъ пиявки, далъ ему ихъ въ руки и зашилъ грудь. Когда наступилъ день, онъ вышелъ, держа животныхъ въ рукѣ, и сдѣлался здоровъ. А выпилъ онъ ихъ, положенныхъ въ напитокъ, будучи обманутъ мадчихой.

14. Мужчина, страдающій каменною болѣзью. Этотъ увидѣлъ сонъ: ему приснилось, будто онъ имѣетъ сношеніе съ красивымъ мальчикомъ, и, пробудившись онъ выкинулъ камень и, поднявъ его, вышелъ съ камнемъ въ рукахъ.

15. Гермодикъ лампсакіецъ разслабленный. Этотъ во время сна былъ исцѣленъ и получилъ повелѣніе, выйдя, принести въ святилище камень, какъ можно большій; и онъ привезъ камень, лежащій предъ абатомъ.

16. Никаноръ хромой. Какой-то мальчикъ похитилъ у него кость, когда онъ сидѣлъ въ бодрствующемъ состояніи, и убѣжалъ; но онъ, поднявшись, побѣжалъ за нимъ и съ того времени сталъ здоровъ.

17. Мужчина получилъ отъ змѣи исцѣленіе пальца. Этотъ, терпя сильную боль отъ ужасной раны на пальцѣ ноги, съ наступленіемъ дня вынесенный слугами сѣлъ на скамью. Когда имъ овладѣлъ сонъ, тогда змѣя, вышедшая изъ абата, своимъ языкомъ исцѣлила его палецъ и, сдѣлавъ это, удалилась въ абать. Проснувшись исцѣленнымъ, онъ говорилъ, что видѣлъ во снѣ, будто красивый юноша положилъ ему на палецъ лѣкарство.

18. Алкетъ изъ Галики. Этотъ, будучи слѣпъ, увидѣлъ во снѣ, будто богъ, подойдя къ нему, проводитъ пальцами по его глазамъ, и что онъ явственно ¹⁾ увидѣлъ растущія въ святилищѣ деревья. Съ наступленіемъ дня онъ вышелъ здоровымъ.

¹⁾ ἰδεῖν τὰ δένδρα ὁρατὸν τὰ ἐν τῷ ἱερῷ, читается все на камнѣ совершенно ясно, и этого текста придерживаемся мы, считая поправку г. Виламовица πρῶτον ἐκ. ὁρατὸν, не обязательною, потому что форма ὁρατὸν, по объясненію г. Цахера (ibid.), вполне понятна и значитъ „явственно“, „воочию“.

19. Герэевъ митиленинъ. У этого не было волосъ на головѣ, на подбородкѣ же на оборотъ ихъ было очень много. Стыдясь этого и подвергаясь отъ другихъ насмѣшкамъ, онъ заснулъ, и богъ, намазавъ ему голову лѣкарствомъ, сдѣлалъ, что у него стали волосы.

20. Эисонъ герміонецъ слѣпой мальчикъ. Этотъ, на яву исцѣленный одною изъ находящихся въ святилищѣ собакъ, вышелъ здоровымъ.

II-я надпись ¹⁾.

1. Арата лакедемонянка, страдающая водянкой. Въ то время, какъ она оставалась въ Лакедемонѣ, вмѣсто нея заснула ея мать и увидѣла во снѣ, будто богъ, отрѣзавъ у ея дочери голову, повѣсилъ тѣло шеи внизъ; когда же вытекло много воды, онъ снялъ тѣло и снова приставилъ голову къ шеѣ. Увидѣвъ этотъ сонъ, она возвратилась въ Лакедемонъ и нашла дочь здоровую; и эта видѣла точно такой же сонъ.

2. Гермонъ еасіецъ. Этого, бывшаго слѣпымъ, богъ исцѣлилъ, но онъ послѣ этого не хотѣлъ уплатить плату за лѣченіе, и богъ опять сдѣлалъ его слѣпымъ; когда же онъ приѣхалъ заснулъ вторично, богъ исцѣлилъ его.

3. Аристагора изъ Трезена. Эта имѣла въ желудкѣ солитера и, заснувъ въ святилищѣ Асклепіа въ Трезенѣ, увидѣла сонъ: ей приснилось, будто служители бога отрѣзали ей голову, такъ какъ самъ богъ не былъ здѣсь, а находился въ Эпидаврѣ; но, не будучи въ состояніи снова приложить ее къ туловищу, они послали къ Асклепію, чтобы онъ пришелъ. Между тѣмъ насталъ день, и жрецъ видитъ, что голова на самомъ дѣлѣ отдѣлена отъ туловища; затѣмъ наступила ночь, и Аристагора увидѣла сонъ: ей приснилось, что богъ приѣхалъ изъ Эпидавра, приложилъ голову къ шеѣ, потомъ разрѣзалъ ей животъ, вынулъ оттуда солитера и зашилъ его. И съ этого времени она стала здоровой.

4. Мальчикъ Аристокритъ изъ Галики (найденный) подъ скалой. Этотъ, выплывъ въ море, высадился въ сухое мѣсто, окруженное со всѣхъ сторонъ скалами, и никакъ не могъ найти выхода. Послѣ этого его отецъ, нигдѣ не находя его, заснулъ у Асклепіа въ абатѣ, спрашивая совѣта относительно мальчика, и увидѣлъ сонъ: ему при-

¹⁾ Мы даемъ переводъ лишь первыхъ 12-ти исцѣлений, дошедшихъ въ более или менѣе цѣломъ видѣ, потому что предложенныя восстановленія остальныхъ только гадательны.

снилось, что богъ повелъ его въ какую-то страну и указалъ ему, что его сынъ находится здѣсь. И, выйдя изъ абата и разломавъ скалу, отецъ нашелъ здѣсь мальчика уже на седьмой день.

5. Сострата изъ Феръ была беременною годъ. Эта, будучи въ въ плохомъ состояніи, прибыла въ святилище на носилкахъ и заснула; но такъ какъ она не видѣла никакого яснаго сновидѣнія, то ее повесли обратно домой. Послѣ этого ей и ея спутникамъ показало, что около Корновъ ¹⁾ съ ними повстрѣчался красивый мужчина, который, узнавъ объ ихъ неудачѣ, велѣлъ поставить носилки, на коихъ несли Сострату, затѣмъ разрѣзалъ у ней животъ и вынулъ оттуда множество глистовъ, двѣ полныя локани; и, зашивъ животъ, онъ исцѣлилъ ее, открылъ, что онъ Асклепій и приказалъ внести плату за лѣченіе въ Эпидавръ.

6. Собака излѣчила мальчика изъ Эгинны. У этого была на шеѣ опухоль, и когда онъ пришелъ къ богу за помощью, то одна изъ священныхъ собакъ на яву излѣчила его своимъ языкомъ, и мальчикъ сталъ здоровъ.

7. Мужчина съ язвою въ желудкѣ. Этотъ заснувъ увидѣлъ сонъ: ему приснилось, будто богъ приказалъ слѣдовавшимъ за нимъ прислужникамъ схватить его и держать, чтобы онъ могъ разрѣзать ему животъ. Тогда онъ побѣждалъ, но слуги схватили его и привязали къ дверному кольцу, а Асклепій разрѣзалъ ему животъ, вырѣзалъ язву и шилъ его; затѣмъ больной былъ освобожденъ отъ веревокъ и съ той поры сталъ здоровъ. И полъ въ абатѣ былъ весь покрытъ кровью.

8. Клейнатъ еванецъ, имѣющій паразитовъ. Этотъ покрытый по всему тѣлу множествомъ паразитовъ, приди въ святилище, заснулъ и увидѣлъ сонъ, будто богъ, снявъ съ него одежду, и поставивъ его прямо, счистилъ паразитовъ щеткой. Съ наступленіемъ дня онъ вышелъ изъ абата здоровымъ.

9. Агестратъ, страдающій головою болью. Этотъ страдалъ бессонницею вслѣдствіе головной боли и, приди въ абатъ, заснулъ и увидѣлъ сонъ: ему приснилось, что богъ излѣчилъ страданія головы, поставилъ его голаго прямо и выучилъ оборонѣ въ панкратическомъ состязаніи. На утро онъ вышелъ здоровымъ и немного спустя одержалъ побѣду въ панкратіи на Немейскихъ играхъ.

10. Горгія изъ Гераклеи, страдающій мокротой. Этотъ, раненый

¹⁾ Неизвестный городъ по дорогѣ изъ Эпидавра въ Феры.

въ одной битвѣ стрѣлою въ легкія, годъ и шесть мѣсяцевъ былъ подверженъ такой обильной мокротѣ, что наполнилъ ею 67 локаней; когда онъ заснулъ, ему приснилось, что богъ вынулъ изъ легкихъ остріе стрѣлы. Съ наступленіемъ дня онъ вышелъ здоровымъ съ остріемъ стрѣлы въ рукахъ.

11. Андромаха изъ Епира, пришедшая съ просьбой относительно дѣтей. Эта увидѣла сонъ: ей приснилось, будто богъ, поднявъ ея платье (?), дотронулся до ея живота, вслѣдствіе чего у нея родился сынъ отъ Арибба.

12. А. , страдающій глазами. Этотъ во время битвы былъ раненъ дротикомъ въ оба глаза, ослѣпъ и носилъ остріе дротика въ продолженіе года (?). — Заснувъ, онъ увидѣлъ сонъ: ему приснилось, что богъ, вытащивъ остріе въ глаза (черезъ глаза ?). . . . , снова исправилъ. На утро онъ вышелъ здоровымъ.

Таково содержаніе этихъ весьма интересныхъ и единственныхъ въ своемъ родѣ документовъ. Конечно, мы совершенно напрасно стали бы искать здѣсь случаевъ правильныхъ и дѣйствительно бывшихъ лѣченій; важность нашего документа не въ томъ, что онъ передаетъ намъ примѣры исцѣленій при оракулахъ Асклепія, такъ какъ это не лѣченія, а чудеса; важность его въ самомъ способѣ передачи этихъ примѣровъ, въ томъ, что изъ него совершенно ясны для насъ взгляды древнихъ на лѣченія Асклепія, затѣмъ отличный характеръ лѣченій за этотъ періодъ времени и наконецъ степень довѣрія къ нимъ. На эти вопросы можно найти отвѣтъ въ нашей надписи, и по нимъ въ краткихъ чертахъ мы получаемъ слѣдующую картину инкубаціонныхъ лѣченій при оракулахъ Асклепія за III вѣка до Р. X. Всѣ исцѣленія приписываются только всемогуществу бога, которому поэтому были доступны вещи, положительно невозможныя, и нашъ документъ, какъ выразитель взгляда большинства, изымая изъ цѣлительства бога всѣ тѣ средства, которыя, будучи основаны только на научномъ знаніи, могли бы умалить всемогущество бога; вслѣдствіе этого здѣсь не названо, напримѣръ, ни одного лѣкарства, употребляемаго при лѣченіи; для этой же цѣли исцѣленія отъ болѣзней, доступныхъ правильному лѣченію (см., напримѣръ, надп. I-я, 17-е чудо и II-я 6-ое чудо), умышленно переданы въ чудесномъ видѣ. Но разъ лѣченія основаны на всемогуществѣ, то обстановка ихъ должна быть таинственною, а характеръ чудеснымъ: это есть отличительная черта инкубаціонныхъ лѣченій за это время, черта, распространившаяся не только на цѣлительство Асклепія, но и вообще на дѣятельность его,

какъ помощника и защитника людей. Если же сила бога казалась только чудесною, то это прямо доказываетъ, что вѣра въ бога и его могущество была тогда особенно велика, и единичные случаи невѣрія не подрывали ея, иначе она не терпѣла бы вещей, подобныхъ нашимъ документамъ. Поэтому, по нашему мнѣнiю, никакъ нельзя думать, будто дошедшiя до насъ надписи составлены для поддержанiя уже падавшей вѣры въ бога — цѣлителя, такъ какъ для поднятiя вѣры недостаточно вымышленныхъ чудесъ, а необходимо самое ихъ совершениe; да и кромѣ того, еслибы появленiе нашихъ надписей было вызвано желаниемъ поддержать уменьшающуюся вѣру, то такiе документы тѣмъ болѣе должны были бы явиться отъ болѣе поздняго времени, когда вѣра дѣйствительно падала, но тутъ-то и вѣтъ подобныхъ памятниковъ. Слѣдовательно, наши надписи своимъ появленiемъ прямо доказываютъ твердую вѣру въ цѣлительную силу Асклепiя за перiодъ III вѣка до Р. Х., который потому и былъ временемъ высшаго процвѣтанiя оракуловъ этого бога.

Другой документъ Эпидаврiйскаго святилища, надпись Ю. Апелласа, какъ имѣющiй, сравнительно съ надписями исцѣленiй, гораздо большее значениe, сразу обратилъ на себя вниманiе ученыхъ ¹⁾, изъ которыхъ г. Каввадiй первый замѣтилъ поразительное сходство этого документа со священными рѣчами (Ἱεροὶ λόγοι) ритора Элиа Аристиды не только по содержанию, но и въ выраженiяхъ. Такимъ образомъ надпись Ю. Апелласа прекрасно комментируется рѣчами Элиа Аристиды, правда, уже достаточно послужившими цѣли разгадать сущность древнихъ инкубационныхъ лѣченiй, но съ помощiю надписи Апелласа дающими совершенно иной взглядъ на этотъ обычай древности ²⁾.

Настоящiй документъ сохранился во всей полнотѣ, но, не смотря на это, нужно удивляться той неровности слога и неправильности выраженiй, которыми изобилуетъ этотъ памятникъ. Трудно допустить, чтобы такъ могъ выразиться человекъ высшаго класса ³⁾, который

¹⁾ Документъ вырѣзанъ на мраморной доскѣ вышиной 1,00 метр., шириной 0,50 и толщ. 0,09. Изданъ г. Каввадiемъ въ 'Ефѣр. 'Арх. 1883 г., стр. 227, № 60; затѣмъ см. *Виламовицъ-Меллендорфъ* въ его *Philologische Untersuchungen*, IX Heft, стр. 116—124, *Пантасидисъ* въ 'Ефѣр. 'Арх. 1886 г., стр. 141, *Цагеръ* въ *Hermes*, XXI, стр. 472 пр. 3, *Баунакъ*, ук. соч. стр. 110 слѣд.

²⁾ Въ виду этого при нижеслѣдующемъ переводѣ мы будемъ приводить параллельныя мѣста изъ рѣчей Аристиды, собранныя у Баунака.

³⁾ По догадкѣ г. Виламовица, родословную Апелласа можно видѣть въ слѣд.

самъ говоритъ, что онъ любитъ φιλολογεῖν: такъ и думается, что эта надпись, составленная по порученію Апелласа, есть произведеніе какого-либо зауряднаго, полуграмотнаго рѣзчика, который по просьбѣ Апелласа передалъ произведенное богомъ налѣченіе, не обращая вниманія на точность и грамматическую правильность. Иначе трудно объяснить себѣ употребленіе старыхъ и неправильныхъ формъ λούσθαι и νόκωι вѣсто λούεσθαι и σίνασι, смѣшеніе προλαμβάνειν съ προλαβεῖν и такіа ошибки, какъ ἀνηθον χρήσασθαι ¹⁾. Кроме того, нѣкоторыя мѣста, особенно конецъ документа, почти не поддаются пониманію.

Содержаніе надписи въ близкомъ переводѣ подлинника таково:

При жрецѣ П. Э. Антиохѣ.

Я, М. Юлій Апелласъ, идріецъ изъ Миласа, былъ призванъ богомъ, такъ какъ я часто впадалъ въ болѣзни и страдалъ плохимъ пищевареніемъ. Такъ, во время моего плаванья, въ Эгииѣ онъ не велѣлъ мнѣ сердиться; когда же я прибылъ въ святилище, богъ приказалъ мнѣ ходить съ покрытою головою въ продолженіе двухъ дней, въ которые шелъ дождь, повелѣлъ ѣсть сыръ и пшеничный хлѣбъ ²⁾, селлерей съ латукомъ, мыться самому, упражняться въ бѣгѣ ³⁾, принимать лимонный сокъ, смѣшавъ его съ водою, въ ваннѣ тереться объ стѣну прὸς ταῖς ἀκῶαις ⁴⁾, совершать прогулки ⁵⁾ въ верхнемъ этажѣ (портика), качаться, натираться грязью ⁶⁾, ходить босымъ ⁷⁾, прежде чѣмъ войдти въ ванну, вливать въ теплую воду вино, мыться одному и давать прислужнику при ваннѣ одну аттическую драхму,

надписи (С. I. A. III, № 731): „Εὐμολπίδαι τὸν ἄρχοντα Μάρκον Ἰουλίον Ἀπελλᾶν Μαραθῶνιον, υἱὸν Μ. Ἰουλίου Δαρμιανοῦ Μυλασ[ί]ως καὶ Φλ[αυίας] Πῶλλης, Φλ[αυίου] Ἀπελλᾶ Ἰπα[π]τηνοῦ θυγατρὸς[ς].“

¹⁾ Можетъ быть, слѣдуетъ согласиться съ г. Цахеромъ, видящимъ здѣсь не грамматическую ошибку, а опisku вѣсто ἀνηθον χρήσασθαι, такъ какъ въ остальныхъ случаяхъ при χρήσασθαι конструція вѣрна.

²⁾ τυρόν καὶ ἄρθον προλαβεῖν, ср. Arist. I, 455 (Dind.): ὄν μετ' ἄρτου προλαμβάνειν.

³⁾ δρόμῳ γυμνάζεσθαι — Arist. I, 509: δρόμῳ χρῆσθαι.

⁴⁾ Значеніе этого слова, какъ и ниже, совершенно непонятно (Wil. ἀκῶαις, Bab. ἀκῶαις).

⁵⁾ περιπάτῳ χρῆσθαι — Arist. I, 446: διήγανον δι' περιπάτῳ χρώμενος κατ' οἰκίαν καὶ ἅμα παιδιᾷ, ср. I, 461, 466, 509 и 541.

⁶⁾ ἀφῆ πηλώσασθαι — Arist. I, 485: προσέταξε χρῆσασθαι τῷ πηλῷ.

⁷⁾ ἀνυπόδητον περιπατεῖν — Arist. I, 466: ἀνυπόδητόν τε γὰρ προελθεῖν ἐπέταξε, ср. I, 461, Mg. Aurel. de reb. suis V, 9.

приносить общую жертву Асклепию, Эпию и Елевсинским богествам¹⁾, пить молоко съ медомъ. Когда же я въ продолженіе одного дня пилъ одно молоко, то онъ сказалъ мнѣ: „Прибавь въ молоко медъ, чтобы оно могло подѣйствовать“. Когда же я просилъ бога поскорѣе отпустить меня, мнѣ показалось, что я, весь намазанный горчицей и солью, выхожу изъ абата *κατὰ τὰς ἀκώας*, и что предо мной идетъ мальчикъ съ курящеюся кадильницею, и что жрецъ говорить: „Ты исцѣлился²⁾ и долженъ внести плату за лѣченіе“. Я исполнилъ то, что видѣлъ, и, намазавшись солью и разведенною горчицей, почувствовалъ боль, обмывшись же, не чувствовалъ болѣе. Это произошло въ продолженіе девяти дней со времени моего прибытія. Богъ коснулся также моей правой руки и груди³⁾. На слѣдующій день, когда я приносилъ жертву, пламя, поднявшись вверхъ, обожгло мнѣ руку, такъ что вздулись пузыри; но вскорѣ рука стала здоровою. Я еще оставался въ святилищѣ, и богъ велѣлъ мнѣ употреблять противъ головной боли анисъ съ масломъ; я, положивъ, не страдалъ головою болью, но вслѣдствіе занятій у меня происходили приливы крови къ головѣ; употребивъ же масло, я избавился отъ головной боли. Противъ опухоли языка — вѣдь и относительно этого я просилъ у бога помощи — онъ повелѣлъ мнѣ дѣлать холодное полосканье, то же самое и противъ воспаленія гортани. И велѣлъ онъ мнѣ написать это, и я, чувствуя благодарность и излѣчившись, удалился изъ святилища⁴⁾.

¹⁾ Каввадій прочелъ: Ἀσκληπιῶ ἤπιον ἢ Ἐλευσινίαις. Не подлежитъ сомнѣнію поправка Пантазидеса: Ἀσκληπιῶ, Ἐπιόνῃ, Ἐλευσινίαις.

²⁾ Каввадій прочелъ: τὴ θεραπεύσαι χρῆ... Пантазидесъ совершенно вѣрно исправилъ: τεθεραπεύσαι χρῆ...

³⁾ ἤψατο δὲ μου καὶ τῆς δεξιᾶς χεῖρός καὶ τοῦ μαστοῦ. Эта фраза стоитъ безъ всякой связи и совершенно непонятна; издатель видитъ подлежащимъ здѣсь ὁ θεός; Пантазидесъ подразумеваетъ здѣсь νόσος, подтверждая Эукидидомъ (II, 48, 2). Намъ кажется, что мнѣніе г. Каввадіа все-таки лучше, а подтвержденіе примѣрами въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакой силы. Мы понимаемъ это мѣсто такъ: богъ своимъ лѣченіемъ коснулся также и моей руки и груди, или лѣченіе бога коснулось и проч.

⁴⁾ Все это мѣсто (ст. 24—30) въ контекстѣ почти не поддается пониманію. Издатель даетъ слѣд. интерпункцію: τῇ δὲ ἐξῆς ἡμέρᾳ ἐπιθύοντός μου φλοῖ ἀναδραμοῦσα ἐπέφλευσε τὴν χεῖρα, ὡς καὶ φλοκταίνας ἐξανθήσαι. μετ' ὀλίγον δὲ ὕγιος ἢ χεῖρ ἐγένετο ἐπιμαίναντί μοι ἄνηθον μετ' ἰλαίου χρήσασθαι. πρὸς τὴν κεφαλαλίαν εἶπεν (οὐ μὴν ἤλθουν τὴν κεφαλὴν. συνέβη οὖν, φιλολογίᾳ μοι συμπληρωθῆναι, χρησάμενος τῷ ἰλαίῳ ἀπηλλάγην τῆς κεφαλαλγίας) ἀναγαγαρίζεσθαι ψυχρῶ πρὸς τὴν σταφυλὴν (καὶ γὰρ περὶ τούτου παρεκάλεσα τὸν θεόν), τὸ αὐτὸ καὶ πρὸς παρίσθμια.

Какъ видно, въ этомъ оригинальномъ документѣ мы какъ бы вновь читаемъ то, что знали прежде изъ запутанныхъ рѣчей Аристиды, для которыхъ нашъ документъ можетъ служить краткимъ конспектомъ. Указанныя выше мѣста изъ сочиненій Аристиды обнаруживаютъ иногда до того поразительное сходство въ лѣченіи этихъ двухъ пациентовъ Асклепія, что такъ и кажется, будто оба они лѣчались у одного и того же врача, по одной и той же системѣ, уже достаточно выработанной, показывающей въ руководителяхъ этими лѣченіями немалую увѣренность въ своемъ знаніи и опытности¹⁾. Подмѣченная такимъ образомъ система, можетъ быть и не вполне правильная съ точки зрѣнія современной научной медицины, но совершенно удовлетворительная для того времени, какъ нельзя лучше доказываетъ значение оракуловъ Асклепія, какъ главныхъ медицинскихъ пунктовъ древности, а сами лѣченія, поставленныя систематически, должны предполагать за своими руководителями положительныя медицинскія познанія²⁾.

Подводя итогъ историческому матеріалу, почерпаемому изъ описанія

Неудобство такого пониманія очевидно: по этой интерпункціи выходитъ, что богъ противъ омега руки предписалъ анисъ съ масломъ, между тѣмъ какъ больной пользуется масломъ противъ головной боли, для чего ему вѣрно было дѣлать помосканія. Затѣмъ по этому толкованію мы читаемъ: „*πρός τῆν κεφαλαλίαν εἰλεν ἀναγυράριζομαι ψυχρῆ πρός τῆν σταφυλήν*“. Въ такомъ случаѣ трудно найти смыслъ слова *σταφυλή*; вѣдь это отдѣльная болячка (ср. Gal. VII, 731). Мы держимся болѣе удобнаго чтенія г. Пантасидиса.

¹⁾ Оба больные страдали тою же болячкою, такъ какъ у Аристиды былъ тоже и катарръ желудка (см. Arist. I, 477). Лѣченіе, хотя и въ разныхъ святилищахъ, производилось слѣдующимъ образомъ: въ обоихъ случаяхъ оно начинается съ діеты; Апелласъ долженъ былъ вѣсть сыръ, пшеничный хлѣбъ, сельдерей, латукъ, пить линюнадъ и молоко съ медомъ: Аристидъ тоже питался овощами и пшеничнымъ хлѣбомъ, вѣлъ медъ и пилъ молоко (Arist. I, 455, 463, 468, 468, 476, 497). Затѣмъ Апелласу было предписано натираніе гравію (можетъ быть, особаго цѣлебнаго свойства), солью и горчицей: Аристидъ дѣлаетъ совершенно то же (Arist. I, 462, 485). Теплыя ванны, которыми пользуется Апелласъ, очень часто упоминаются при лѣченіи Аристиды (Arist. I, 466, 467, 483 и пр.). Наконецъ, идутъ разныя физическія упражненія; такъ, Апелласу было предписано совершать прогулки, бѣгать, качаться, ходить босыми: подобное долженъ былъ дѣлать и Аристидъ (Arist. I, 446, 461, 466, 509, 541).

²⁾ Свѣдѣнія, почерпаемыя изъ надписи Апелласа, могли бы быть превращены пополненіемъ статьи д-ра Веркутра (Vercouter) „*La médecine sacerdotale dans l'antiquité grecque*“ (*Revue Archéol.* 1885 г., стр. 237—292, 1886 г., стр. 22—26 и 106—123). Здѣсь очень остроумно доказываются твердыя медицинскія познанія у жрецовъ Асклепія.

савныхъ документовъ Эпидаврійскаго святилища, мы должны сказать, что, если въ III вѣкѣ до Р. Х. обстановка лѣченій при оракулахъ Асклепія была чудесною и въ массѣ не вызвала протеста, то въ позднѣйшее время, спустя пять вѣковъ, отъ которыхъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, сами лѣченія значительно усовершенствовались вмѣстѣ съ медициной-наукой; чудесная обстановка лѣченій не была убѣдительною, и потому время заставило жрецовъ обратиться къ другому способу возвеличенія божества и поднятія его оракуловъ: тогда жрецы расширили свои медицинскія познанія и достигли того, что при оракулахъ получали исцѣленіе больные послѣ продолжительнаго безуспѣшнаго лѣченія у врачей. Въ такомъ состояніи находятся оракулы Асклепія во II вѣкѣ по Р. Х., и къ этому привели ихъ неизвѣстныя для насъ пять вѣковъ (отъ III вѣка до Р. Х.—II вѣка по Р. Х.), употребленные жрецами Асклепія на постепенное усовершенствованіе своихъ оракуловъ.

Остальные документы Эпидаврійскаго святилища въ большинствѣ принадлежатъ къ такъ называемымъ ἀναθήματα (вотивныя посвященія) и представляютъ короткія посвятительныя записи преимущественно на пьедесталахъ отъ не дошедшихъ статуй. Изъ подобныхъ посвященій Аполлону, Асклепію, Игіѣй, Артеמידѣ, Телесфору и другимъ божествамъ только нѣкоторыя имѣютъ сравнительно болѣе интересъ, какъ дающія новыя свѣдѣнія къ исторіи культа Асклепія. На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь небольшая мраморная доска со слѣдующею посвятительною надписью дактилическаго гексаметра:

[Ζ]ηνὶ καὶ Ἥελίῳ [χ]αὶ πᾶσιν ἀεργενέεσσιν

[ὁ]βροδοταῖς καὶ [ἑ]λευθερίοις καὶ λυλικόνοισιν

ἱεροφάντης εἰς' ὅσῃ θεοπαθεῖται γαίῳν

Διογένης, Δηροῦς πρόκολος, Παιήνορος ἱερεὺς.

POA εἶται ἱεραπολήσας ¹⁾.

Какъ видно, посвященіе это пожертвовано благочестивымъ Діогеномъ ²⁾, іерофантомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жрецомъ святилища Аскле-

¹⁾ 'Εφημ. 'Αρχ. 1883 г., стр. 25, № 1. Въ третьей строкѣ г. Каввадіи читается εἰς ὅσῃ, но такая транскрипція совершенно непонятна, поэтому мы соглашаемся съ чтеніемъ г. Диттенбергера: εἰς' = εἰς (= ἰδρύσαστο). См. статью его въ Historische und philolog. Aufsätze, E. Curtius zu seinem siebenzigsten Geburtstage gewidmet (1884 г.), стр. 290. POA = 174, то-есть, если считать этотъ годъ, по мнѣнію г. Каввадія, отъ битвы при Акціумѣ, время этой надписи определяется 148 г. по Р. Х.

²⁾ Вѣроятно, отъ имени этого же Діогена дошли и посвященія Аполлону

пія, конечно, не Епидаврійскаго, а Аеннскаго, болѣе близкаго къ Елевсину. Такимъ образомъ, во II вѣкѣ по Р. Х. при Аеннскомъ оракулѣ Асклепія жрецомъ состоитъ верховный жрецъ Елевсинскихъ божествъ, то-есть, въ то время, когда это святилище Асклепія, какъ оракулъ, утратило свое значеніе, тогда должность жреца исполнялъ при немъ іерофантъ ¹⁾, и Аеннское святилище бога-цѣлителя какъ бы присоединилось къ святилищу Елевсина. Это важное указаніе еще разъ подтверждаетъ уже достаточно доказанное теперь тѣсное отношеніе культа Асклепія, и въ частности, Аеннскаго, къ мистическому культу Елевсинскихъ божествъ.

Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о тѣхъ посвященіяхъ надписяхъ, въ которыхъ сохранились до сихъ поръ не встрѣчавшіеся знатеты Асклепія: Ὀρβίος, Εὐχολός, Διγυώτης, Συγγνώμων ²⁾.

Нѣкоторый интересъ представляютъ еще два посвященія, помѣщенные надателемъ подъ №№ 101 и 102 ('Εφημ. Ἀρχ. 1885 г., стр. 198). Первое, вырѣзанное на мѣдной доскѣ, читается: „Καλλίστρατος ἀνέθεκε τῷ Ἀσκλη(λ)ακίδῃ: ΠΟ μάγικος“. Это единственный памятникъ древняго епидаврійскаго нарѣчія, по начертанію очень близко подходящій къ древнимъ надписямъ у Röhrl'a, Inscr. Gr. Ant., №№ 41 и 42. Другое представляетъ небольшую мраморную доску съ изображеніемъ двухъ ушей и со слѣдующею латинскою стихотворною надписью (буквы выкрашены въ красный цвѣтъ):

„Cutius has auris Gallus tibi voverat olim,
Phoebigena, et posuit sanus ab auriculis“.

Памятникъ этотъ можетъ быть отнесенъ къ особому роду votivныхъ приношеній, присущихъ исключительно культу божествъ, обладавшихъ цѣлительною силой. Это по большей части золотыя и серебряныя изображенія частей тѣла, рукъ, ногъ, ушей, глазъ и подобное пожертвованныя исцѣленными больными, названныя въ одной надписи изъ Аеннскаго святилища Асклепія τόπος, σῶμα ἀνδρῶν καὶ γυναικῶν ³⁾.

(Ἐκατηβάλετη), Успенъ (Πολυώνωμα), Телесоору (Σωτήρι), Аполлону (Μαλαία Σωτήρι), Асклепію (Σωτήρι), см. 'Εφημ. Ἀρχ. 1888 г., стр. 147—150, №№ 37—42.

¹⁾ Ср. по этому поводу найденную здѣсь надпись отъ 201 года по Р. Х.: Ἀσκλητικῶς Διγυώτη: ὁ ἱεροφάντης καὶ ἱερὸς τοῦ Σωτήρος Μνασίας Ἐρμιονεύς: κατ' ὄναρ τὸ ΣΑΒ. ('Εφημ. Ἀρχ. 1884 г., стр. 21, № 62).

²⁾ 'Εφημ. Ἀρχ. 1883 г., стр. 89, № 28, стр. 150, № 44; 1884 г., стр. 21 № 62, стр. 26, № 67. Знатеть Διγυώτης (см. предыдущее примѣчаніе) объясняется г. Каввадіемъ отъ мѣтнаго культа Асклепія въ сосѣдней со святилищемъ деревнѣ, называемой нынѣ Διγυοῦριό.

³⁾ См. интересный инвентарь Аеннскаго оракула Асклепія, Ἀθήνατον, V, стр. 103 и 189; VI, стр. 489, VII, стр. 87; *Bull. de corr. Hellén.* II, стр. 419.

Но, кромѣ этихъ мелкихъ документовъ, раскопки Эпидаврійскаго святилища дали одинъ очень интересный памятникъ, принадлежащій къ роду votivныхъ гимновъ; мы говоримъ объ извѣстномъ, большомъ пѣанѣ въ честь Аполлона и Асклепія, составленномъ эпидаврійцемъ Исилломъ, сыномъ Сократа. Такіе памятники дошли до насъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ ¹⁾, и по содержанію всѣ они очень сходны: наполненные вышней хвалой богу-цѣлителю, они передаютъ обыкновенно легендарные разказы о рожденіи и воспитаніи Асклепія, разказы, осложненные мѣстными вариантами ²⁾. Такъ и гимнъ Исилла ³⁾ передаетъ въ неизвѣстной до сего времени полнотѣ эпидаврійское преданіе о рожденіи Асклепія.

По содержанію пѣанъ распадается на слѣдующія части ⁴⁾: въ первыхъ девяти стихахъ (кромѣ двухъ первыхъ посвятельныхъ) поэтъ, сторонникъ аристократическаго правленія, высказываетъ по этому поводу свои политическія убѣжденія и тутъ же даетъ обѣщаніе посвятить богамъ, покровителямъ города, этотъ пѣанъ, если въ Эпидаврѣ установится желаемое поэтомъ правленіе. Слѣдующіе 17 стиховъ говорятъ, что такое правленіе дѣйствительно настало въ Эпидаврѣ, гдѣ аристократическая партія одержала верхъ, и народъ въ память этого событія постановилъ совершать торжественное

¹⁾ Гимнъ изъ Римскаго оракула Асклепія, посвященный врачомъ Никономъ Смирскимъ, уже давно извѣстенъ (см. С. I. Gr., № 5974). Раскопки Апеннинскаго святилища открыли нѣсколько обломанныхъ камней съ гимнами въ честь Асклепія и его семейства, и одинъ изъ нихъ представляетъ начало гимна, сочиненнаго трагикомъ Софокломъ (см. 'Αθήναϊον, V, стр. 840; VI, стр. 141, 143; С. I. Att. III, 1, № 171b; ср. Philostr. vita Apoll. Туан. III, 17.

²⁾ Прототипомъ подобныхъ памятниковъ можетъ служить гимнъ въ честь Асклепія, приписываемый Гомеру (Ном. hymn. 15).

³⁾ Объ этомъ документѣ, не смотря на то, что онъ былъ опубликованъ ('Εφημ. 'Αρχ. 1885 г., стр. 66, № 84) позже другихъ, существуетъ уже цѣлая литература. На сколько намъ извѣстно, кромѣ издателя, обратившаго на эту надпись особое вниманіе, ей разбору посвятили еще нѣсколько страницъ г. Семителосъ ('Εφημ. 'Αρχ. 1885 г., стр. 74 сл.), которому принадлежатъ метрическія объясненія документа, немецкій ученый Влассъ (*Jahrb. für Philolog. und Pädagog. v. Fleckeisen und Maunz* 1885 г., стр. 822—826) и прое. Видамовицъ-Меллендорфъ, написавшій по поводу этого пѣана цѣлое сочиненіе „Isyllos von Epidaurios“ въ IX томѣ издаваемыхъ имъ вѣстѣй съ Касселингомъ „Филологическихъ изысканій“ (*Philolog. Untersuchungen*). Затѣмъ довольно подробныя объясненія и сводъ мнѣній упомянутыхъ ученыхъ далъ г. Ваунакъ въ указанномъ сочиненіи, стр. 147—160.

⁴⁾ Диалектъ почти чисто дорическій; стихотв. размѣръ: ст. 8—9—трех. тетрам., 10—26—дакт. гекзам., 27—81—дакт. гекзам., 32—36—прованч. мѣсто, 37—56—ионич. разм., 57—79—дакт. гекзам.

шествіе въ святилища покровителей города, Аполлона и Асклепіа. Затѣмъ въ пяти стихахъ разказывается о началѣ культа Аполлона Малейата; за этимъ прозаическія строки (33—37) передаютъ мнѣніе Дельфійскаго оракула о пванѣ Исидла, и наконецъ слѣдующіе стихи заключаютъ самую существенную часть пвана, восхваленіе Асклепіа, гдѣ сначала подробно изложено эпидаврійское преданіе о рожденіи Асклепіа съ полною генеалогіей послѣдняго ¹⁾, затѣмъ приводится чудо Асклепіа, спасающаго Лакедемонъ отъ нашествія Македонскаго царя Филиппа.

Упомянутомъ о нашествіи Филиппа приблизительно опредѣляется время этого пвана. Въ этомъ историческомъ разказѣ г. Каввадій видитъ одинъ изъ эпизодовъ похода Филиппа II на Спарту послѣ Херонейской битвы; это же подтверждаетъ Вилламовицъ-Мёллендорфъ. Однако ошибочность этого вывода не подлежитъ сомнѣнію: она указана какъ проф. Θ. Θ. Соколовымъ ²⁾, такъ и г. Власомъ, которые съ полнымъ основаніемъ утверждаютъ, что Исидлъ говоритъ о походѣ Филиппа III, происшедшемъ въ 218 г. до Р. X. Это время,

1) Ζεός
 |
 'Ερατώ + Μῆλος
 |
 Κλεοφῆμα + Φλεγύας
 |
 Αἰγλή (Κορωνίς) + 'Απόλλων
 |
 'Ασκληπιός.

Эта существенная часть пвана передана съ надлежащею полнотою и именно такъ, какъ нужно было ее передать: Исидлъ ведетъ происхожденіе Асклепіа прямо отъ Зевса, но иначе, чѣмъ прежде мы знали это. Происхожденіе отъ Зевса мы видѣли прежде только чрезъ отца Асклепіа, а у Исидла и мать Асклепіа божескаго происхожденія. Утвердивъ этимъ преимущество эпидаврійскаго преданія, повтъ приводитъ даіше особенность его отъ преданія ессалійскаго, именно, онъ говоритъ, что ния матери Асклепіа было Эгла, а Коронодою она была только прозвана за свою красоту. Конечно, мы должны вѣрять Исидлу, вѣдь не могъ же онъ на столько исказить преданіе, но тѣмъ не менше мы имѣемъ основаніе думать, что новое для насъ ния матери Асклепіа осталось только между такими ревнителями преданія своей родины, какъ Исидлъ, который даіше само ния 'Ασκληπιός умудряется производить отъ Αἰγλή; все-таки Коронода было общегреческимъ именемъ матери Асклепіа, такъ называютъ ее всѣ авторы, не знающіе совершенно имени Эгла, да и самъ Исидлъ не могъ выпустить это ния и потому прибавилъ, что это было только прозваніе. Наконецъ, въ Эпидаврійской области ния Короноды было такъ извѣстно, что память о немъ, какъ мы уже замѣтили, живеть еще и теперь.

²⁾ Журн. М. Н. Пр. 1886 г., июль, стр. 1 слѣд.: „Третій вѣкъ до Р. X.“

какъ извѣстно, ознаменовалось Союзническою войною, которую вела противъ этолийцевъ Македонія и ея симмахія, образовавшаяся при Антигонѣ Досонѣ. Въ Спартѣ въ это время царствовали малолѣтній внукъ убитаго Клеомена, Агесиполитъ, и Ликургъ, не происходившій изъ царскаго рода. Къ такому положенію дѣла, какъ нельзя лучше, подходитъ разказъ нашего документа. Исиллъ говоритъ, что Филиппъ шелъ на Спарту, „ἐθάρων ἀνελεῖν βασιλείδα τμήν“; онъ дѣйствительно могъ имѣть такое намѣреніе и даже надѣяться на успѣхъ, такъ какъ въ это время царская власть въ Спартѣ была очень не прочна и, за малолѣтствомъ Агесиполита, была въ рукахъ одного лица, незаконно владѣющаго престоломъ. Но Филиппу не удалось его предпріятіе, не смотря на то, что лакедемоняне были невѣроятно поражены неожиданностью и быстротою нашествія; поэтому слова Исилла: „Ἀσκληπιός ἦλθε βοαθός ἐξ Ἐπιδαύρου τμήων Πραχλῆος γενεάν ἃς φείδετο ἄρα Ζεὺς“, ясно говорятъ, что лакедемоняне и не надѣялись на спасеніе и такъ были удивлены благопріятнымъ для нихъ исходомъ нашествия, что дѣйствительно могли видѣть здѣсь только помощь божества. Такимъ образомъ на сколько очевидно сохранный документомъ эпизодъ согласуется съ событіями 218 г. до Р. Х., на столько мало онъ подходитъ къ положенію Спарты въ 388 г. до Р. Х.

Исиллъ былъ современникъ Филиппа III и въ 218 г. былъ еще мальчикомъ (ст. 62 и 64 пѣана); къ тому же времени, когда онъ написалъ пѣанъ, походъ Филиппа казался совершеннымъ уже „ἐὺ καίνοισι χρόνοις“ (стр. 58), такъ что нашъ документъ долженъ быть отнесенъ къ концу III или началу II вѣка до Р. Х.

Кромѣ подобныхъ посвяtitельныхъ надписей, до насъ дошло еще нѣсколько ММ. небольшихъ документовъ въ честь частныхъ лицъ, оказавшихъ городу или святилищу Асклепія какія-либо благодѣанія. Будучи выражены обыкновенною формулировкой подобнаго рода документовъ, они, какъ историческіе памятники, не имѣютъ особаго значенія и, давая лишь одни собственные имена отличившихся гражданъ, не могутъ быть комментированы другими надписями ¹⁾.

Затѣмъ около храма Асклепія найденъ обломокъ, по видимому, большой и интересной надписи политическаго содержания, но, къ

¹⁾ Изъ этихъ документовъ можно отмѣтить слѣдующую надпись, дающую намъ имя неизвѣстнаго до сихъ поръ комическаго поэта (Ἐφημ. Ἀρχ. 1883 г., стр. 27, № 4):

Ἄ πόλις τῶν Ἐπιδαυρίων Διομήδην Ἀθηνοῦρου
Ἀθηναίων ποιητῶν κωμωδιῶν ἀνέθηκ[ε].

соза́лбнiю, этотъ единственный подобнаго рода документъ пока долженъ быть оставленъ безъ объясненiй, такъ какъ, за неизбiвнiемъ надписей такой же формулировки, въ немъ нельзя сдѣлать какихъ-либо вѣроятныхъ возстановленiй ¹⁾).

Переходя теперь къ описанiю найденныхъ памятниковъ искусства, мы остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которые сохранились въ болѣе цѣломъ видѣ. Кромѣ упомянутыхъ выше частей фронтонныхъ группъ храма Асклепiя, раскопки открыли художественныя произведенiя только одного рода, именно нѣсколько мраморныхъ статуй. Начнемъ со статуй Асклепiя, коихъ найдено шесть экземпляровъ.

I. Статуя Асклепiя изъ пентелинскаго мрамора, найденная за перволомъ при раскопкахъ театра около восточной стороны сцены. Отъ статуи отбиты голова, правое плечо и ноги ниже голени; богъ, изображенный немного болѣе натуральной величины, представленъ въ такой же позѣ, какъ и на неизвѣстной статуѣ Флорентійскаго музея (см. Denkmäl. d. Kunst. I, 48, 219 ²⁾). Судя по отдѣлкѣ отдѣльных частей тѣла и расположенiю складокъ платья, г. Каввадiй считаетъ этотъ памятникъ произведенiемъ римскихъ временъ, выполненнымъ, какъ копія, съ какой-либо статуи цвѣтущаго періода греческой скульптуры, можетъ быть, даже съ упомянутой флорентійской статуи ³⁾).

II. Двѣ мраморныя статуи стоящаго Асклепiя, отритыя при раскопкахъ зданiя А. Довольно близкое сходство этихъ статуй, какъ въ общей выдѣлкѣ, такъ и въ отдѣльных частяхъ, позволяетъ думать, что обѣ онѣ представляютъ копію какого-либо одного памятника. Однако, не смотря на это сходство, меньшая изъ статуй въ выполненiи кроткаго лица бога уступаетъ большей, вслѣдствiе чего эти статуи принадлежать, по всему вѣроятiю, рѣзцу различныхъ мастеровъ. Сохранились статуи не вполне: меньшая, на которой видны слѣды позолоты и желтой краски, отбита ниже голень, у большей не сохранился бависъ и ноги ³⁾).

III. Четвертая статуя Асклепiя найдена въ разстоянiи почти 30 мтр. къ востоку отъ храма бога; она сохранилась вполне и по обороту и выраженiю лица, постановкѣ корпуса и даже положенiю складокъ платья очень напоминаетъ вышеупомянутыя двѣ статуи. Асклепiй представленъ стоящимъ около пня, на который онъ упирается

¹⁾ Изданъ г. Каввадiемъ безъ транскрипціи въ 'Ефѣр. 'Арх. 1883 г., стр. 92, № 36; транскрипцію и нѣк. дополненiя см. у Ваунака, ук. соч. стр. 92—93.

²⁾ Описана въ *Практика* 1881 г., стр. 38.

³⁾ 'Ефѣр. 'Арх. 1885 г., стр. 50, табл. II, №№ 7 и 8.

правою рукою, держащею яблоко; на пень всползаетъ спутница бога, змѣя. Въ художественномъ отношеніи этотъ памятникъ представляется произведеніемъ далеко несовершеннымъ: только лицо выдѣлано съ надлежащею тщательностью, остальные же части носятъ слѣды не оконченной работы ¹⁾).

IV. Въ 1885 г., при раскопкахъ аданія Г, найдена мраморная статуя Асклепія, совершенно иного типа, чѣмъ описанные выше памятники.

Асклепій представленъ (выш. 0,80 мтр.) въ легкой и спокойной позѣ: онъ стоитъ, опершись лѣвою (отбитою) рукою на длинный посохъ подъ самыя мышцы; правая рука согнута къ боку. Голова, немного склоненная внизъ, съ длинными волосами и густою бородою украшена легкимъ покровомъ. Эту статую, сохранившуюся, правда, въ плохомъ видѣ, бесспорно слѣдуетъ считать лучшею изъ вновь добытыхъ статуй бога-цѣлителя; по удачному выраженію лица, съ кроткимъ, задумчивымъ взглядомъ, она можетъ уступать только известной бронзовой статуѣ Асклепія въ Берлинскомъ музеѣ ²⁾). На кругломъ базисѣ легко читается слѣдующая надпись шрифта IV в. по Р. X.:

Σεῖο, μάχαρ, Βουλαῖσιν ὑπ' ἀρρήτοισιν ὄνιροις
ἀρητῆς γαγῶς ἰχόνα σὴν ἔθετο
Πλούταρχος κλεινῆς Θεοδάγμονος ἀτθίδος αἴης.
ἀρχιερεὺς καθνοῦ ἱερῶλοῦ Βρομίου.
ἰσρακολήσας ἔτους ΡΠΕ.

Изъ этой посвятительной надписи видно, что наша статуя принадлежитъ къ votivнымъ приношеніямъ ³⁾).

V. Наконецъ, упомянутая выше статуя сидящаго на тронѣ Асклепія. Этотъ памятникъ, можетъ быть, представляетъ копию хризелефантинной статуи бога работы Фразимеда и по данной Асклепію позѣ очень напоминаетъ изображенія сидящаго бога преимущественно на эпидаврійскихъ монетахъ ⁴⁾). Статуя сильно пострадала отъ времени.

¹⁾ Ibid., № 9.

²⁾ См. Roscher, Ausführl. Lex. d. Griech. u. Röm. Myth., стр. 636.

³⁾ Издатель этой статуи еоръ г. Стамъ (Ἐφημ. Ἀρχ. 1886 г., стр. 213 слѣд.) полагаетъ, что РΠΕ = 185 есть годъ отъ «εἰς τὴν Ἑλλάδα ἐπιδημίας» τοῦ Ἀδριανοῦ, потому что отъ этого событія, какъ высказала Фукаръ (Le Bas, II, 148, b), эпидаврійцы вели свое лѣтоисчисленіе.

⁴⁾ См., наиримѣръ, монеты въ Berl. Blätt. für Münzk. III, 30, 3; Panofka въ Abhandl. der Königl. Akad. d. Wiss. Berlin. 1845 г., стр. 395, табл. I, №№ 7, 8, 10.

Статуя Игіен.

I. Статуя Игіен изъ пентелизійскаго мрамора, отрытая въ 1881 г. при раскопкахъ театра между сценой и оркестрой. Голова богини съ половиною шеи, части рукъ отъ локтей и пальцы лѣвой ноги отбиты и не найдены, вслѣдствіе чего еще можетъ явиться сомнѣніе, дѣйствительно ли эта статуя представляетъ дочь Асклепія Игіеню. Богиня изображена въ натуральный ростъ (1,54 мтр.); она стоитъ въ спокойной позѣ, опершись всею тяжестью тѣла на лѣвую ногу, правая же нога отдѣлена въ небольшомъ полуоборотѣ. Хитонъ, станутый въ талию поясомъ, образуетъ по всему тѣлу ряды прямыхъ складокъ; поверхъ его короткая накидка (*ἀπλοῖς*), которая, покрывая плечи богини, оставляетъ обнаженною часть груди; верхнюю одежду служатъ длинныя иматіи. Руки согнуты внизъ подъ угломъ, и въ нихъ богиня держала, вѣроятно, змѣю или чашу.

Этотъ памятникъ слѣдуетъ считать одною изъ самыхъ цѣнныхъ находокъ, достойною подробнаго изученія на равнѣ съ самыми совершенными произведеніями греческаго искусства. Нашу статую почти безошибочно можно отнести къ архаическимъ произведеніямъ, какъ это видно изъ ровныхъ, параллельныхъ складокъ платья и изъ невозмутимаго спокойствія и величія, которыя художникъ вложилъ въ свое произведеніе. Къ такому заключенію приходитъ г. Каввадій послѣ тщательнаго изученія статуи, и онъ же съ полнымъ вѣроятіемъ утверждаетъ, что этотъ художественный памятникъ, служившій исключительно для украшенія театра, долженъ быть отнесенъ къ эпохѣ полнаго разцвѣта аттической школы и своимъ творцомъ имѣлъ Поликлита въ началѣ его художественной дѣятельности, когда онъ, выйдя изъ школы Агелада, еще не вполне освободился въ своихъ произведеніяхъ отъ вліянія архаическихъ образцовъ греческаго искусства ¹⁾.

II. Двѣ статуи Игіен, отрытыя въ развалинахъ зданія Г. Обѣ онѣ, почти одинаковой высоты (0,57 и 0,52 мтр.), представляютъ вотивныя приношенія, какъ это доказываютъ сохранившіяся на базисахъ надписи. На одной статуѣ читается:

τῇ Ἰγείᾳ
γαῖος,
ἰατρού.

¹⁾ См. описаніе въ *Практика* 1881 г., стр. 29 — 38 (= *Ἀθήνηαιον*, X, стр. 59—67).

На другой:

Δοξίμαχος τῆ ἀμα-
τοῦ Σωτήρη καὶ Τελεσ-
φόρω.

Статуи принадлежатъ, вѣроятно, рѣзцу одного художника, такъ какъ при одной и той же идеѣ, вложенной въ оба памятника, видны, судя по общей ихъ композиціи, и одинаковые приемы выполнения. Въ частности статуи имѣютъ значительное различіе. Первая изображаетъ молодую дѣвушку въ длинномъ, доходящемъ до ногъ хитонѣ, съ приподнятыми подъ угломъ руками и наклоненною немного влѣво головой. Кругомъ тѣла въ три кольца обвивается большая змѣя, голова которой доходятъ до правой руки богини; лѣвая рука отбита, и въ ней Игіен, можетъ быть, держала чашу, изъ которой кормила змѣю. На второй статуѣ богиня, почти въ такомъ же одѣяніи, стоитъ съ понижшею головой и на правомъ плечѣ держитъ змѣю, которая вытянулась по правой рукѣ и на лѣвой части груди. Обѣ руки статуй отъ локтей не сохранились. Особое сходство этихъ статуй замѣчается въ одинаковомъ выполненіи головы и лица съ опущенными внизъ и пристально смотрящими глазами ¹⁾.

Статуи Аенны.

Во время раскопокъ святилища найдены три статуи Аенны изъ бѣлаго мрамора: двѣ изображаютъ „воинствующую“ Аенну въ полномъ вооруженіи, на третьей богиня стоитъ въ спокойной позѣ. Обѣ первыя статуи (выс. 0,72 и 0,64 мтр.), принадлежащія, можетъ быть, и разнымъ мастерамъ, выполняютъ одну и ту же идею: богиня какъ бы ведетъ за собою цѣлое войско и своимъ грознымъ, рѣшительнымъ движеніемъ ободряетъ его. На первой Аенна одѣта въ длинный хитонъ, въ лѣвой рукѣ она держитъ щитъ, а въ правой (отбитой) было, вѣроятно, копье; на плечахъ надѣта эгида съ головою Медузы, а на головѣ высокій шлемъ, украшенный изображеніемъ сфинкса и грифова. Богиня представлена нападающею: она всѣмъ тѣломъ нагнулась на лѣвую ногу, она прикрылась щитомъ и обернула голову въ сторону слѣдующаго за ней войска, какъ бы предводительствуя имъ. На второй статуѣ богиня одѣта почти такъ же, только на головѣ у ней легкій шлемъ безъ украшеній; устремляясь впередъ, она нагнулась направо и вытянутою правою рукою показываетъ на нападающаго врага. Съ художественной точки зрѣнія оба памятника

¹⁾ Изданы въ 'Εφημ. 'Αρχ. 1886 г., стр. 248, табл. 11.

не представляют особенно цѣнныхъ экземпляровъ и должны быть отнесены скорѣе къ произведеніямъ какого-нибудь зауряднаго мастера, подражавшаго лучшимъ образцамъ ¹⁾. На базисахъ статуи сохранились посвятительныя надписи; на первой:

'Αθηνῶ ὑγαία ὁ ἱερεὺς τοῦ Σωτῆρος
'Ασκληπιῶ Μᾶρ(χος) 'Ιούν(ιος) Δαδοῦχος τὸ
РПА.

На второй:

. . . θεοῦ π]ροσταγῆ 'Αλέξανδρος τὴν
'Αθηναίαν τῆ 'Αρταμίδι ²⁾.

Кромѣ того, нѣкоторые мѣста покрыты красною краскою, слѣды которой особенно ясны на згидахъ и на щитахъ богинь.

На третьей статуѣ значительно меньшихъ размѣровъ (0,49 мтр.) Афина спокойно стоитъ, упираясь болѣе на правую ногу; на богинѣ длинный хитонъ съ подборами и низкій шлемъ, изъ-подъ котораго падаетъ широкая коса. На базисѣ статуи надпись:

Πατροχα[σιγνήτ]ην 'Ασκληπιῶ εἴσατ' 'Αθήνην
'Ασκάλου ἐκ γαίης σῶστρα φέρων γενέθλις
. . . ἐπὶ ἱερῆ]ως Ἀῦρ. Νικέρωτος ³⁾.

Кромѣ этихъ болѣе или менѣе хорошо сохранившихся статуѣ, слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ находкахъ: статуяхъ Афродиты и Ливии(?). Оба памятника сильно пострадали. Первая найдена въ нѣсколькихъ частяхъ, которыя все-таки не даютъ цѣлой статуи (выс. 1,51 мтр.); богиня одѣта въ длинный хитонъ, спускающійся съ праваго плеча и оставляющій обнаженною всю правую часть корпуса. Черезъ правое плечо надѣтъ ремень, на которомъ висѣлъ, по всему вѣроятію, мечъ ⁴⁾. Статуя Ливии представляетъ женщину въ римскомъ платьѣ, очень похожую на изображеніе Ливии на статуѣ изъ Помпеи ⁵⁾. Отъ статуи, открытой при раскопкахъ театра, не найдены голова и правая рука отъ локтя, и потому г. Каввадій считаетъ ее изображеніемъ Ливии только на основаніи упомянутого сходства, а

¹⁾ Подобныя изображенія воинствующей Афины уже извѣстны на монетахъ, см. *Benlé, Monnaies d'Athènes*, стр. 390.

²⁾ Надписи приняты съ дополненіями г. Петерсена, который описаннымъ изображеніемъ Афины посвятилъ прекрасную статью въ *Mittheil. d. deutsch. arch. Inst. in Athen* 1886 г., стр. 309—321.

³⁾ Въ три статуи изданы въ 'Еф. р. 'Арх. 1886 г., стр. 250 сл., табл. 12.

⁴⁾ Издана въ 'Еф. р. 'Арх., *ibid.*, табл. 13.

⁵⁾ *Denkm. d. Kunst*, I, 68, 370.

отъ полнаго утверженія отказывается, хотя въ этомъ же мѣстѣ найденъ пьедесталь отъ другой статуи со слѣд. надписью:

Ὁ δᾶ[μος ὁ Ἐπι]δαυρίων
 Δεῖβαν Καίσαρος Σεβαστοῦ
 γυναῖκα ¹⁾.

Таковы результаты археологическихъ раскопокъ Эпидаврійскаго святилища Асклепія за 1881—1884 гг. Но за это время, не смотря на значительный трудъ, было разрыто далеко не все мѣсто священнаго округа, поэтому весьма желательно, чтобы Аѳинское археологическое общество нашло время и средства окончить и эти раскопки съ такою же тщательностью, какою вообще отличаются подобныя его предпріятія. Слѣдуетъ надѣяться, что оно лишь временно прекратило здѣсь свои труды, такъ какъ 1884 годъ уже и такъ дорого обошелся обществу: оно разрыло въ это время Оропійское святилище Амфіараа, произвело блестящія раскопки въ Елевсинѣ и начало изслѣдованія въ Пирѣѣ и другихъ мѣстахъ. Оно одно, не жалѣя трудовъ и денегъ, трудится на общую пользу и не имѣетъ со стороны почти никакихъ поддержекъ.

Мы не будемъ оцѣнивать добытый раскопками историческій матеріалъ, благодаря которому въ настоящее время почти спала густая завѣса, закрывавшая для насъ устройство и сущность совершенно особыхъ оракуловъ древности. Матеріалъ этотъ, цѣнный вообще для историка, особое значеніе имѣетъ для исторіи медицины, и мы увѣрены, что добросовѣстному изслѣдователю въ этой области вполне удастся оправдать оракулы бога-цѣлителя отъ тѣхъ осужденій, которыми забросала ихъ исторія въ лицѣ ученыхъ, на столько омраченныхъ сатирою Аристофана и суетвѣріемъ слабоумнаго Элія Аристида, что для нихъ этотъ общій всѣмъ древнимъ народамъ обычай, будучи простымъ шарлатанствомъ со стороны жрецовъ святилищъ, основывался лишь на безотчетной вѣрѣ больныхъ, но болѣе рациональныхъ основаній не имѣлъ.

Подобныя сужденія заранѣе можно назвать поверхностными и предвзятыми. Оракулы Асклепія жили дольше не только другихъ подобныхъ оракуловъ, но и вообще всѣхъ прорицалищъ древней Греціи. Чѣмъ же слѣдуетъ объяснить этотъ фактъ, уже самъ по себѣ говорящій противъ мнѣній порицателей? Очевидно, въ этомъ случаѣ имѣла значеніе цѣль такихъ оракуловъ, то-есть, если прочіе ора-

¹⁾ См. *Πρακτικά* 1881 г., стр. 39; здѣсь же описана и статуя Деивы

кулы грековъ, рожденные, дѣйствительно, только вѣрой, служили лишь для удовлетворенія религиознаго чувства, то не таково было назначеніе оракуловъ бога-цѣлителя Асклепія. Не имѣя полного основанія назвать ихъ лѣчебными учрежденіями, подобными современными больницами, но лишь на нѣкихъ началахъ, мы не можемъ однако отрицать и того, что они, по крайней мѣрѣ во время еще неполнаго развитія греческой медицины, были главными лѣчебными пунктами, разсѣянными по всей Греціи; это были утилитарные оракулы, примѣненные къ требованіямъ жизни, и потому, совершенно естественно, они существовали до тѣхъ поръ, пока съ паденіемъ язычества не измѣнился и строй жизни. Въ противоположность другимъ оракуламъ, оставшимся во все время своего существованія на тѣхъ чисто религиозныхъ началахъ, которыя мѣшали усовершенствованію самой формы прорицанія, инкубационные оракулы Асклепія подвергались измѣненію и постепенному развитію, что вывело ихъ на другой путь, проложенный по стопамъ научной медицины: для убѣжденія въ этомъ достаточно сравнить приведенныя выше надписи испѣлій съ надписью Ю. Апелласа. Пали всѣ оракулы древности, пали безслѣдно; только оракулы Асклепія, завершившіе это паденіе, оставили глубокіе слѣды въ древней медицинѣ: они начали ее, давъ ей особое почетное и даже священное значеніе и тѣмъ возвысивъ ее представителей, они не мало послужили и развитію этой науки, воспитавъ ее основателя Иппократа, наконецъ, въ періодъ ея процвѣтанія они шли вмѣстѣ съ нею, пользуясь въ своей дѣятельности ея успѣхами.

Можно ли поэтому смѣяться надъ греками, самымъ просвѣщеннымъ народомъ древняго міра, и надъ ихъ обычаями, создавшимъ науку? Можно ли думать, что этотъ обычай поддерживался только слѣпою вѣрой? Это не былъ варварскій обычай, и христіанство, создавъ лучшее, погубило все-таки не отжившее, худое, да и погубило то особымъ образомъ: оно разбило его по частямъ, и лучшія изъ нихъ все-таки остались, перейдя въ обычай христіанъ. Оракулы Асклепія пали не такъ, какъ оракулы другихъ божествъ, они постепенно угасали, пошатнулись въ силу удѣла, общаго всему земному, созданному человѣкомъ: еще древній Гераклитъ изрекъ свое *κῆρυξ*.

И. Александровскій.

